25-го ноября 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

24

24

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го листопаду 1928 р.
PRAHA

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Юрий Гоинчаров*: *** Стихи.
2. *А. А. Гейман:* Судьбу осы испортили.
3. *Любовь Самсонова*: MEDITATION.
4. *С. Савицкий:* *** Вірш.
5. *С. Балыков:* От матери.
6. *Х. Удовико:* *** Вірш.

••••••••

7. Кральевина Срба, Хрвата и Словенаца.
8. 10-летие Латвии.
9. Д-р *А. Балабас*: Памяти трагической смерти А. И. Кулабухова.
10. Инж. *Т. В.* Экономика и проблема самостийности.
11. *О. Долинский*: По поводу 10-летия Ч.-Сл. Республики.
12. Д-р *С. Федоров*: Анкета о Казачестве.
13. *Вл. Куртин*: О Кубани и Кубанцах.
14. *А. Стремянной*: Из жизни красной армии.
15. Думы и мысли Казачьи:
    М. Битинський: Плагіат.
16. Международная жизнь.
17. В СССР.
18. У Горцев Северного Кавказа:
    Фариз: Большевицкий террор в горских областях Сев. Кавказа.
19. Казачья эмиграция.
20. В Казачьих Землях:
    Кубанский с'езд по улучшению урожайности.
    И. Васильев: Восстание.
    Хроника.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Париж. — „Горцы Кавказа". — Охотно исполняем.

Югославия. — Андрей С. — Сообщите свой адрес и фамилию, иначе не можем ответить вам на затронутые вопросы в Вашем последнем письме.

Варшава. — Х. У. — Прохання Ваше буде виконано. Сповістить нам Вашу нову адресу.

Франция. S-te Maurice. — С. — На Ваши „указания" „обращаем внимание". Что касается „карманного словаря", то об этом нужно будет серьезно подумать — может быть и можно будет что нибудь предпринять в этом отношении.

В „архивах" тоже „копаемся".

За такое письмо вообще большое спасибо. Привет Вам!

Далмация. — В. К. Окончание „ответа" получено. Упоминаемые Вами „Глушь", „Поворот" и др. редакцией не получены.

Ответ по существу — отдельным письмом. Что Вы „далеко" живете — „жалко" не только Вам, но и нам. Привет!

Югославия. — М. З. — „Василь та Н. " получена. „Рождественский" рассказ присылайте. Драматические произведения интересуют очень. Попробуйте. Желаем Вам здоровья и сил — они нужны и Вам и нам!

Острава. — М. — С „Америкой" вопрос труднова. Все же попробуем.

Збрацлав. — І. Б. — Вірш одержали. Дякуємо.

Белград. — В. Т. — Ваша просьба исполнена. Послано письмо с просимым адресом.

Югославия. — Г. М. — Вірші одержані. Дуже не турбуйтесь — справа залагоджена. Дай, Боже, Вам здоровля!

Бразилія. — С. С. — Вірші одержані. Дякуємо.

Болгария. — Я. Л. — Рассказ получен. Подойдет. За присланное „французское" письмо спасибо, материалом этим воспользуемся в одном из ближайших номеров „В. К.".

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО / ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией **И. А. Билого** и **М. Ф. Фролова.**

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 24 *Прага, воскресенье 25-го ноября 1928 г.* *№ 24*

Юрий Гончаров.

* * *

Прощай весна!.. Тебя я встречу снова
За снежною чертой проговоривших вьюг,
Под тенями чужого и неведомого крова
Я твой услышу шаг и твой зазывный звук...

Я ухожу. Пока. В морозные пещеры.
Послав прощальный знак верхушкам синих гор.
Застыть в метельной мгле, в лохмотьях
снежно-белых,
Раскинув по снегам остекляневший взор.

И, омертвев в жилье холодных ураганов,
Задумаюсь о днях, летящих в смене лет...
В каких проснусь весной заговоренных странах?..
Какой подарит мне апрель — приветный
цвет?

Что мне споют весной зареявшие звуки?
Чей затаю, как снег сверкнувший взгляд?..
И целовать кому трепещущие руки
Я буду на заре у каменных оград?..

••••••••••••••••

А. А. Гейман.

Судьбу осы испортили.

(Кубанская старина).

Почему Вы до сих пор не женились, Игнат Максимович, — спросили как то дамы нашего старого есаула, за чайным столом, в дружеской компании.

— Да как вам сказать... так уж вышло... смешно сказать, а судьбу мою осы испортили.

— Как!.. Осы?.. Пожалуйста, расскажите! пристали все.

— Собственно, и рассказывать нечего, дело обычное... ин быть по вашему, — слушайте, когда хотите.

Игнат Максимович, веселый. красивый мужчина, лет 42-х, когда бывал в духе — хорошо рассказывал. Все затихли и приготовились слушать.

Был я еще молодым, лет 26-ти, и, правда, подумывал и о женитьбе. Состоял я на льготе, с приказом жить в станице Ново-Марьинской, на самой границе Кубани и Ставрополья. И теперь эта подгородная станица маленькая и глухая, а тогда — это была скука смертная. Поп да учитель, вот и все общество. Единственное утешение, это озеро, на берегу которого Н.-Марьевка поселилась. Дичи и рыбы на нем и в его водах было множество, и для охотника развлечение от мертвящей скуки было отличное.

В 18-ти всего верстах напрямки, степью, был г. Ставрополь, веселый и безпечальный в те времена город: общество огромное и радушное. Бывало, настреляешь на озере уток, на тройку и через час — два в Ставрополе. Разошлешь дич по знакомым, ну, тут тебя кто на обед, кто на ужин. Везде барышни, цветник этакий роскошный, глаза разбегаются.

Дичи, как я сказал, на озере было множество и охота была легкая, интересная и добычливая. Неизменным спутником моим на этих охотах был всегда некий казак третьей очереди — Еська. Лет 30, сухой и длинный, с маленькой сплюснутой головой на длинной шее, с длинным носом и безбородый. Вся станица звала его Еськой, только жена — Остапом Никифоровичем.

Еська всегда спокоен, медлителен в движениях и молчалив. Он никогда не рабатал, все хозяйство его и дома, и в поле справляла его жена с двумя сыновьями, лет 14 и 16-ти. Василиса, жена его, „водила“ мужа чисто, относилась к нему почтительно и была, повидимому, им вполне довольна. Водки Еська не пил и не курил. Если, случалось, поднесешь ему стаканчик, то сначала он долго отказывается и благодарит, и уж наконец, вероятно боясь вас обидеть, берет стаканчик двумя пальцами в правую руку, сдвигает ноги, вытягивается, и произносит неизменно всегда одну и ту же фразу: Желаю здравия и прочего успеха в делах рук ваших, — опрокинет рюмку в рот. Но уж больше пить не станет.

Еська в первоочередных частях не служил, а попал на войсковые рыбные промыслы в лиманах Кубани, но по болезни через полгода был отпущен домой. Все же, пребывание его на этой службе принесло Еське пользу: с грехом пополам он выучился грамоте и мог состряпать досчатую лодку.

Такую лодку он, как только прибыл домой и оправился, и соорудил. Назвал он ее „монитор“, по ныне-

шнему — военный крейсер, который он однажды видел на Черном море. „Монитор“ наш, однако, вмещал всего двух человек. Окрасить лодку оказалось нечем, но на носу лодки красовалась выведенная дегтем надпись: „Олгаъ“.

— Что же ты, Еська, мягкий знак пропустил, а вот твердый так зря на конце прилепил?

Еська сначала помолчит, а потом ответит спокойно, но уверенно:

— Ерь буква никудышная, потому — всякий знает, что Ольга, так и есть Ольга, а не Олга, а вот Еръ это буква правильная: он слово отрубит. Кончил слово, ну и Еръ поставить сей час же надобно.

После такого глубокого погружения в недра российской грамматики и необычно длинной речи, Еська надолго погружался в молчание.

Но, несомненно, и в Еське горела одна страсть, могучая и ненасытная, жадная и неукротимая. Определенно можно утверждать, что за всю свою жизнь не загубил Еська ни одной птичьей души, если не считать воробьиных птенцов, которых на Кубани „выдирать“ из гнезд, как известно, дело похвальное.

Еська никогда не стрелял из охотничьего ружья, но стоило сказать: — на охоту! — и Еська преображался. Широко шагая длинными и тонкими ногами, раздувая, как паруса, полы бешмета, Еська мчался на свой „монитор“, вытаскивал его на берег, проворно откачивал воду и заботливо заколачивал вечно текущие борты его.

На охоте Еська неузнаваем. Обычно скромный, почтительный и молчаливый, он на охоте — развязен и болтлив. Всякую утку в камышах Еська увидит раньше меня. Тогда, сделав шаг от кормы, стоя на которой, он шестом гнал лодку и достав меня и тыкая в плечо рукою, кричит:

— Ось! Ось! о-се-се-се,—дерзость в обычное время для Еськи недопустимая.

Случится удачным дуплетом срезать пару уток.

— Ага! Видали! кричит Еська. — Мы не таковские! Что думаете! мы вас тут всех заберем! — и быстро гонит лодку к упавшим уткам. — А здоровый! кричит он, вытаскивая из воды утку, хотя бы это был крошечный чирок... утка, как известно, не больше голубя.

Всегда правдивый, Еська часто отклонялся от истины далеко, если спросите его, например: — А много у вас на озере уток? Еська зажмурит оба глаза, отведет лицо, с приподнятым немного вверх носом, вправо, произнося: — Кы-ы-к... и затем, быстро поставив лицо прямо, откроет глаза, — грязи! — воскликнет на этом слове.

А хорошо стреляет твой сотник? спросите его обо мне. —Би-и-ис промашки! и опять тот же жест.

Ранней весной, или поздней осенью, над нашим озером иногда появляются дикие гуси. Случается это всегда в самые ненастные ночи, когда дует ледяной ветер, а с неба падает не то снег, не то дождь. Не постучав ранее в окно и минуя вестового, врывается тогда ко мне Еська.

— Вашброди, гуси! Вставайте, а я на монитор!

— Что-то нездоровится мне, потому вот и лежу. Пусть уж эти пролетят.

— Ох и гусей!.. Кы-ы-к...

— Грязи! — кончаю я за него.

— Так точно!

Продолжительное молчание.

— А жирные!... не выдерживает Еська.

— Да ты их что же, за хвост уже держал?

Еська озадачен и молчит долго. Молчу и я. —

Вижу, что уже достаточно извел Еську и кричу:

— Андрей, на охоту!

Еську, как волной смывает и только уже на улице слышу его крик:

— Так я на монитор! —

Вот каков был мой Еська.

———

Приехав как то в Ставрополь и разослав настрелянную дичь по знакомым, я сидел в гостях у воинского начальника. Это был большой барин из прогоревших гвардейцев, красивый, холеный, полный мужчина лет 45-ти... Носил он всегда белоснежные кителя, широкие вверху и узкие внизу шаровары и ботинки со шпорами.

Помимо любезности самого полковника и его отменно доброй и ласковой супруги — привлекали меня в этот дом особенно две его дочки. Этаких два ангела, лет этак 17-18; особенно младшая — Верочка. Сильно кружилась моя голова буйная когда, бывало, взгляды наши встречались.

Что бы проверить и себя и ее я вот что, бывало, проделывал. Узнаю, например, что барышни будут в какой нибудь вечер на балу в клубе, что ли; приду раньше их, заберусь куда нибудь за растения погуще и выжидаю. Вот появляется мамаша, а за ней и обе дочки. Старшая входит медленно и рассеянно смотрит вперед, а вот Верочка — войдет и быстро этак начнет искать кого то глазами по всей зале. Ищет, ищет, сдвинув бровки, и вдруг нашла меня и вся просияла! и бровки разгладились и улыбка по всему лицу разлилась! Ну, как вы думаете? Не мог ли я думать, что вот эта то Верочка и есть судьба моя?

За ужином подали уток.

— Ну, где вы, Игнат Максимович, уток этих такую прорву добываете? спрашивает меня полковник.

— На озере, в нашей станице, говорю. У нас их там, как грязи, как хвастает мой компаньон Еська.

— Какой такой Еська?

Расказал. Много смеялись.

— Ну, я к вам соберусь как нибудь на охоту. Ведь и я любил это дело когда то.

— Прекрасно, говорю. Теперь и время как раз. Убьете, — нет-ли, а настреляетесь всласть.

Чудесно провел я этот вечер и, счастливый, полный сладостных надежд, на утро укатил в станицу.

Прошло недели две; я уже забыл, что полковник собирался приехать ко мне на охоту, как вдруг, в воскресение, рано утром налетел ко мне и сам он, в щегольском фаэтоне, в своем белоснежном кителе, с патронташем и двустволкой.

Попили чаю и на озеро. Еська уже давно был на мониторе.

Утру румяному, под стать, и я и мой гость были в радостном настроении. Сели в лодку, едва сдвинулись с берега. Однако, монитор наш, никак не ожидавший такой чрезмерной нагрузки, сразу сильно осел и потек по всем швам, а при всяком резком движении кого нибудь из нас, „Олгаъ“ давала опасный крен то на одну, то на другую сторону. Мой Еська не только не ожил, по обыкновению, на озере, но смотрел не то растерянно, не то виновато. И я и гость тоже притихли. Очевидно — долго ездить по озеру, да еще стрелять на оба борта, при таких условиях, дело было рискованное.

— Вези, Еська, на островок, — вспомнил я.

В гуще камыша на озере был островок. В дождливое лето он тоже был под водою, но в засуху — выдавался из воды, шагов на 30-50 в поперечнике. Когда-то на нем росло с десяток вербовых деревьев, но их давно уже срубили и только одно еще уцелело, возвышаясь немного над камышами. От остальных деревьев на острове торчали только прелые пни.

Если ездить по озеру и стрелять, пуганные утки будут лететь и через островок и, стоя на нем, — стрелять их еще удобнее, чем с лодки.

Под'ехали, с трудом выгрузили гостя, а сами нырнули в камыши.

Едва мы от'ехали от острова шагов с сотню, как на нем раздался выстрел, затем и другой.

— Стреля-а-а-ет... шопотом отозвался Еська.

Через минуту опять, но уже дуплетом, два выстрела.

— Опя-а-а-ть! уже по змеиному прошипел завистливый Еська.

И пошли выстрелы на острове, да все парные, дуплетом. Стал стрелять и я, не далеко, по кругу об'езжая остров, что-бы утки летели на остров. Пальба на острове шла своим порядком, но наконец, и затихла.

— Должно быть все патроны расстрелял, догадался Еська. — Верно, брат! — кричу я. — Гони к острову.

Я был очень доволен, что там гостю Бог послал добыть, это уже счастье его, а настрелялся вволю. Значит, дичь была.

Под'езжаем... На острове никого. — Что за оказия? Кто мог снять гостя с острова, когда на озере перевозочных средств и есть только один наш монитор.

Вдруг в камышах, вблизи островка, из воды с шумом вынырнуло что то громадное, белое, все в тине и водорослях... И в тот же миг меня оглушил Еськин смех. Я никогда не слыхал, чтобы Еська смеялся, да и сам он едва ли когда слыхал свой смех. Да и не смех это был, а так, как если бы мешок орехов просыпался бы с высоты на деревянный пол.

За Еськой неудержался и я и тоже рассмеялся. Фигура опять плюхнула в воду, как бегемот, а над кругами воды мы увидели целую тучу ос. Видя, что враг скрылся, осы стали разлетаться, но белая, разукрашенная зеленой тиной фигура опять вынырнула и осы снова завились над нею. Еська неудержимо трещал смехом, судорожно изгибаясь в пояснице.

— Чего смеешься, дубина! гаркнул вдруг громовой бас и фигура снова булькнула в воду.

Сообразив, что дубин то, собственно, две, я перестал смеяться. Оборвал сразу, так же, как и начал, свой истерический смех и Еська... Мгновение и он спрыгнул на берег, схватил сноп нарезанного еще с осени и забытого здесь сухого камышу, поджег его и с таким факелом смело бросился разгонять ос. —

С трудом втащили мы нашего горе-охотника в лодку, так она все время норовила перевернуться вверх дном, а тут еще осы, напали и на нас. Но поехали.

А случилось вот что. Как человек сухопутный, наш охотник, высадившись на остров, почувствовал себя опять прекрасно. С наслаждением расправил отекшие в лодке ноги и уселся на один из старых пней, но в тот же момент и вскочил. В пне оказалось огромное гнездо ос. В этих местах осы часто строят свои гнезда величиною с казачью папаху. Больно ужаленый полковник, с досады, и выстрели в гнездо! Вот тут то осы и взяли его в оборот. Второй выстрел разогнал было ос, но, отлетев недалеко, осы опять перешли в атаку. Потревоженные звуками выстрелов и пороховым дымом, повылетали осы и из других гнезд, так как, конечно, и в других пнях были гнезда, и все это, соединившись, образовало целую тучу; она и напала на врага. Выстрелит он из двух стволов, — осы разлетятся, а пока он зарядит ружье — они, еще более озлившись, опять набросятся на врага. Все патроны расстрелял, бедняга, и тогда осы загнали его в воду. Долго нырял наш гость, пока не отбили мы его.

Однако, этим еще не кончились наши беды в этот злосчастный день. Ведь, праздник! Народу по улицам и на берегу — вся станица. Как его провезешь в таком виде? Казаки еще, конечно, туда-сюда, а вот девки да бабы! Им, ведь, только подай! И пришлось сидеть в камышах до сумерок, да откачивать воду из монитора.

Поздно ночью, кое как обсушившись и перевязав мокрыми полотенцами сильно искусанные шею, плечи и руки, уехал мой неудачный гость домой.

Прошла неделя. Полный надежд и решимости, помчался я в Ставрополь. По обыкновению, остановился у знакомого, послал с мальчиком отборных уток барыне воинского начальника и с нетерпением стал ожидать обычного приглашения на ужин.

Сегодня же скажу все Верочке, — решил я. — Что тянуть, пора!

Мальчик вернулся, неся и уток моих обратно.

— Что такое?

— Барыня сказали — не надо. —

— Ну, и больше ничего?

— Больше ничего не сказали. —

— Не может быть!

Вечером, едва дождавшись его, иду в парк. Там наверное будет гулять Верочка. — Увижу и все выяснится.

Игнат Максимович помолчал с минуту, как будто вспоминая что то важное в жизни.

— И действительно... увидел... Подошел...

— Здравствуйте!

Холодный поклон.

Еще две, три фразы. Молчание.

Ну и ушел... и ушел навсегда. Да вот и до сего времени — один... С ноткой грусти заключил он.

— И как подумаешь... Чего на свете не случается и от чего только не зависит судьба человека. Вот и теперь. Кто же, как не осы судьбу мне испортили?...

••••••••••••••••

Любовь Самсонова.

MEDITATION.

Я все хочу забыть, что было раньше,
Я вычеркнуть хочу страницу грустных лет,
Все слезы, все страдания, все муки
Прошли, забылися, их нет!..

Есть только брезжущее розовое утро
И белые цветы в росе
И чаянье проснувшегося солнца,
И трепет возрождения в душе!..

С. Савицький.

КОЗАЧИЙ ПОХІД.

То не море хвилює й не вітер шумить,
То козачі полки виступають,
Над полками — прапори; музика гремить;
Як орли коні скачуть, літають.

Перед ними квітчастий килим миготить, —
Степь широкий, як море безкрає.
По над степом орел сизокрилий летить,
Побратимів в дорозі вітає.

••••••••••••••••

Санжа Балыков.

От матери.

Знать комар меня кусанул: тиранул я, в полусне, по носу и проснулся. Открыл глаза... смотрю... в кибитке уже темно, тихо: в верхнее отверстие ее, с высокого темного неба частые звезды мигают; слабо мерцая, распространяя запах горелого масла, потухает лампадка перед божницей. На нашей широкой деревянной кровати, спиной ко мне, спит мать, за мной, повыше моей головы, на двух подушках, тихо посапливая, спит сестрёнка в пеленках. Тишина в природе, только какая корова кашлянет иногда, да собака где-то лениво гавкнет и опять все тихо.

... „Когда же это я лег... как заснул... что я ел перед сном“... начал я лениво думать, потирая нос.

„Э!.. ведь я еще засветло лег, в сумерках, когда мать еще доила коров... а чаю с горячими борцыками, значит, не напился; значит я голоден, меня не разбудили, не накормили“, — мелькнуло у меня и я уже разсердился.

„Ничего, я могу и сейчас скушать борцык, да и чаю мама может согреть“...

— Мама, а, мама! Проснитесь, дайте мне борцык и чаю, я хочу есть, — начал я плаксиво, тормоша мать.

— Что ты!? Кто же ночью пьет чай? Не умрешь до утра, вечером тебя будила, ты отказался, говорил, что сыт, спать хочешь, а теперь уже за полночь, те-

перь нужно спать, деточка. Спи, сыночек, во сне тебе добрая белая мышка на серебрянном блюдечке чай принесет. Спи, не хнычь, — заговорила мать, укрывая меня одеялом.

— Не хочу я спать! не усну! дай чаю... ааа!! — заревел я на всю кибитку.

— Замолчи, дурень, сестрёнку разбудишь! и какой же ты скверный мальчик, ну во всем хотоне нет мальчишки хуже тебя. Ну-ка, помолчи, я тебе что-то скажу...

— Чаю дашь...

— Послушай, Сармуш, когда ты был маленький, вот как сестренка, ты был такой плакун, что не сыскать, а теперь ты уже большой, тебе скоро пять лет будет и как тебе не стыдно капризничать, будить ночью мамў, плакать... — начала полусердито укорять меня мать.

Укоры эти на меня подействовали, но никак я не мог сразу перестать плакать и, все еще всхлипывая, сказал:

— Не пра-а-ав...да... ты неправду... говоришь... Я не был плакун, когда был маленьким.

— Да, неправда! Ты послушай, как из за твоего крика меня бешеная собака чуть не разорвала, — заговорила мать, видимо обрадованная случаю занять и отвлечь меня от моей мысли о чае с борцыками.

— Расскажи — проговорил я, глубоко вздыхая.

— Было тебе тогда около года и такой ты был плакун, что не рассказать; иногда, прямо таки хотелось выбросить тебя за дверь, собакам... Однажды летним днем, так приблизительно в обед, когда в хотоне нашем не было мужчин, а бабы все почти спали в тени кибиток, прибежала какая-то незнакомая черная собака с опущенным хвостом, с горящими красными глазами, с пеной у рта и начала рвать телят, гоняться за собаками.

Все большие собаки нашего хотона вмиг куда-то поисчезли, только глупые щенята попадались ей, которых она ловила, душила и разрывала на клочья.

Все в хотоне поняли, что собака бешеная и потому всполошились, вмиг скрылись по кибиткам и позакрывали двери на оба засова...

— А ты, мама?

— Ну и я тоже.

Ты, сынок, только что выкупаный в холодной воде, досыта накормленый, спал на левой кровати. В щелку кибитки я начала следить за собакой. А она, погнавшись за одной нашей курицей, наткнулась на твоего маленького, беленького щенка, которого я не успела зазвать в кибитку. и тут же возле кибитки, как раз против твоей постели, начала его душить.

Щенок завизжал; от его визга проснулся ты и, по обыкновечию, начал во все горло плакать. Я пыталась тебя укачать, давала грудь, но ты плакал все сильнее и громче.

Бешеная собака сперва прислушалась к твоему голосу, потом принялась рваться в кибитку... — Притаясь, стараясь не дышать, слушал я мать. Дремотный летний день, бешеная собака в маленьком, затерянном среди степи, хотоне, моя мать с плачущим ребенком — так ярко пронеслось в моем моегу, что я притих и невольно прижался к матери.

Она, между тем, продолжала:

— В одну минуту собака изорвала наружную полсть и, просунув морду в отверстие кибиточной решетки — „терме“, пыталась проникнуть внутрь, чтобы добраться до нас с тобой.

Я не знала, что делать, только, призывая на помощь Бога, без конца повторяя „Дярке, Дярке!“ — бегала по кибитке.

Вдруг пришла мне в голову мысль: спрятать тебя под большой котел. Живо положила тебя на землю, притащила большой котел для кумыса и опрокинула его над тобой, а чтобы ты не задохнулся, подложила под краюшек щепочку.

Ты все продолжал орать и под котлом.

А собака в это время уже прорвала две петли в решетке и, просунув всю голову, старалась ворваться в кибитку.

Весь хотон словно вымер, все заперлись и сидели в страхе, а мужчин все не было; они возились при табуне, в степи; помощи ждать было неоткуда.

Видя, что через минуту собака начнет меня рвать, я бросилась на колени перед божницей и стала громко молиться.

Стоило собаке прорвать еще одну петельку в решетке и она бы уже была в кибитке.

Помолившись, плача стала прикладываться головой к статуе Будды и вдруг я увидела на сундуке рядом с божницей большие ножницы для стрижки овец.

Тут озарила меня мысль:

„Что же я, дура, плачу... нужно вооружиться этими ножницами и повыколоть собаке глаза, пока она еще не свободна и не может броситься на меня; это Бог мне указывает...“

Взяла я ножницы и, не переставая шептать молитву, стала подходить к собаке.

Она рвалась изо всех сил и, уже просунув одну ногу, вот-вот готова была ворваться в кибитку. Она хрипела, рычала, оскаляя зубы, брызгалась слюной.

Я стиснула зубы и дрожащей рукой ткнула острием ножниц в глаз собаке.

Она хрипло взвизгнула, из глáза брызнула кровь, но все же продолжала рваться вперед.

Я обошла собаку и, подойдя с другого боку, ширнула в другой глаз.

Тут она начала уже рваться назад, но не могла вырваться; голова почему-то не проходила обратно.

Тогда выбежала я из кибитки и стала кричать и звать на помощь соседок.

Две-три из них прибежали на мой зов и мы общими силами убили собаку коромыслами, колами и топором.

Когда я подняла котел и взяла тебя, ты был весь синий и едва дышал; так сильно ты плакал...

Во все время рассказа я лежал не шевелясь, сжав кулаки и стиснув зубы.

Когда мать кончила, я сдавленным голосом прошептал:

— Мама! Я теперь не буду плакать.

— Вот видишь, не надо ночью плакать, бешеные собаки всегда идут на плач детей — говорила она, прижимая меня к себе и гладя по головке.

— Мама, а ты же всегда мне говоришь, что нельзя убивать ни мышь, ни ежа, ни птенчиков, никого — все живое нельзя убивать, а сама убила собаку; ты большой грех сделала, да?

—Нет сынок... эта собака была бешеная; она хотела и меня и тебя разорвать, как же ее не убивать; ее не грешно убить.

— Значит, бешеную сабаку можно?

— Да.

— А ядовитую змею?

— Можно.

— А человека, который хочет тебя задушить?

— Человека?.. Ну, спи, спи, деточка, довольно.

— Скажи, мама, а человека?

— Если человек хочет тебя бить, нужно бежать к маме.

— А если он догонит и поймает?

— Ну, тогда защищайся! Сам нападай!

— Ага!.. надо защищаться... нападать...

„Чрик! чрик! чрик!“ — трещал где то ночной кузнечик.

„И где он чирикает, днем никак его не найдешь“ — думал я, но глаза мои слипались и туман обволакивал мысль...

Прошло много, много лет с тех пор; много пришлось испытать, пережить, позабыть, но ночной рассказ матери помню, как будто это было вчера; образ самой матери уже стал неуловим, но тот ее рассказ крепко сидит в уголке памяти.

••••••••••••••••

Х. Удовико. *(Варшава).*

* * *

Ой, не добре, козаченьки, не добре вчинили:
Степ широкий, Край веселий тай занапастили...
Не вміли ми боронити здобутую волю —
Роскутую із кайданів козацькую долю.

Утопили її в морі братерської крові
І знов, бідна, опинилась в московській неволі.
Під червоним караулом знову серцем нудить
І благає порятунку — мов та чайка тужить.

Ой, Кубанці-Чорноморці, нерозумні діти,
Віддали чужим ви Матір, самим — куди дітись?
В своїй хаті нема кутка... Й по широкім світі,
Мов сироти-безбатченки, скитаєтесь, рідні.

Наймилійші її скарби дали на поталу:
Степи свої широкії й козачую славу.
Нема правди, нема волі в козачих станицях,
Батьки наші — отамани — сидять по вязницях.

Ой, тож тая орда дика, наче чорні хмари,
Налетіли від півночі драпіжницькі лави
Та, мов круки, обсадили станиці козачі
І шарпають наше тіло, щей у душу крячуть.

Мов та галич злітаються на Кубань небогу
Московські грабіжники — взнали вже дорогу...
Тай нема нігде рятунку, немає й поради,
Бо немає Господаря — Козачої Ради.

Ой, не вміли шанувати здобутую Волю
Й своїх батьків тих козачих, що кували долю,
Що йшли за нас на голгофу, що їх роспинали
Чорні духи, наше лихо, — ми ж тоді мовчали...

А Кубанське Військо славне... бодай не казати, —
Як один ішли на муки, а за що? — не знати.
Цілі річки розливали братерської крові,
Свої голови складали на чужому полі.

Тай добились аж до краю, аж до того лиха,
Що спіткало нас, кубанців, мов той ворог, зтиха.
Поламали ярмо чорне, в червоне попали —
Пригноблені, заковані в тяжкії кайдани...

Ой, збираймося ж, кубанці, в своє Військо славне:
Будем Раду вибирати й свого Отамана, —
Тай підемо визволяти Матір із неволі:
Степ широкий, Край веселий й козачую долю.

Кральевина Срба, Хрвата и Словенаца.

(К 10-й годовщине образования Югославии).

Недавно Сербия отпраздновала полувековой юбилей провозглашения себя независимым государством. Сербия — это ядро теперешней об'единенной и независимой Югославии, которая как раз (1 декабря) переживает десятую годовщину своего возникновения.

Нельзя сказать, чтобы история особенно жаловала югославянское племя. Наоборот, — она обошлась с ним по-варварски жестоко, на протяжении долгих столетий систематически раз'единяя то, что самою природою было предопределено к совместному существованию.

Действительно, трудно найти другой более яркий пример национальной вивисекции на исторической почве, чем многовековая судьба югославянского племени.

К началу нашего столетия и накануне мировой войны — югославяне национально были разделены на три части: Сербов, Хорватов и Словинцев. Вероисповедно принадлежали к трем главным религиям: православию, католицизму и магометанству. Культурно — тоже были составным элементом трех разных миров: западного, восточного и балканского.

Наконец, административно-политически современная Югославия была в полном значении этого слова — атомизирована, будучи разделена на 13 частей, пребывавших под всевозможными политическими режимами, от полной независимости (Сербия) — до полной подчиненности (Босния и Герцеговина).

Тяжкий национальный гнет — красною нитью проходит через тяжелые и печальные страницы югославянской истории, где воспоминание о поражении на Коссовом поле — в течении столетий было постоянным стимулом к борьбе за освобождение и независимость.

Турецкое иго после Коссова поля могильным камнем налегло на сербов. На столетия под твердым режимом мусульманского полумесяца замолкли церковные колокола и замерла национальная югославянская стихия.

Турецкий гнет был сменен затем австромад'ярским, более методическим и планомерным.

Но, сто лет тому назад, христианские Балканы очнулись. В пожаре национальных восстаний таяла политическая мощь турецкого Царьгорода в Европе и медленно уступала к Босфору.

Сербия была национально-революционным буревестником Балкан и авангардом югославянского возрождения.

Пятьдесят лет тому назад, после берлинского конгресса, она добилась европейского признания своей государственной независимости.

Но оставались еще югославянские земли под австро-венгерским гнетом: Босния и Герцеговина, Далмация, Хорватия...

В 1912 г. на Балканах разыгрался заключительный акт турецкой гегемонии. Турция была отброшена балканскими союзниками почти к

вратам Царьгорода. Но это не было в интересах Берлина и его секунданта — Вены.

В своей безумной сербофобии и ненависти к югославянскому движению — Вена и Будапешт пустили в ход всю политическую и дипломатическую „хитрую механику", чтобы ослабить Сербию и не допустить до югославянского об'единения.

По случаю известного загребского процесса в 1909 г., а затем венского процесса з проф. Фрид'юнгом, теперешний президент ЧСР проф. Масарик — блестяще доказал тогда провокаторские приемы по отношению к Сербии австро-венгерского правительстса, с ведома которого были фальсифицированы „исторические документы" с целью убедить мир в существовании „злокозненного" великосербского движения посягающего на югославянские земли Австро-Венгрии.

Таким образом, назревающая югославянская проблемма стала непосредственным мотивом, из-за которого разгорелся всемирный пожар в 1914 г. после сараевского покушения на австрийского наследника престола.

Для Вены, Берлина и Будапешта сараевское убийство было долгожданным предлогом, чтобы наброситься на ненавистную Сербию и задушить раз навсегда этот неугасаемый очаг югославянского самостийничества

Германо-австрийская дипломатия в первоначальном опьянении совершенно упустила из виду, что задуманная ею „карательная экспедиция" в Сербию при общеевропейском политическом напряжении, естественно поведет, к мировому конфликту и войне, как это и случилось и что было началом конца габсбургской монархии, поздно понявшей весь трагизм своего национального разногласия...

Умирая, черно-желтая империя в каком то безумном садизме кровью заливала Сербию и „свои" югославянские земли. осознавшие, что настал полдень их истории и пришло время окончательно свергнуть чужое иго и снова воскреснуть к независимому бытию.

Кроме Бельгии, едва-ли какая другая страна очутилась во время войны в более тяжелом положении, чем Сербия, истекавшая кровью в неравном бою с несравненно более сильным своим соперником.

Положение югославянских земель под Австро-Венгриею тоже было весьма трагично. Фактически и по казенному долгу надо было бороться против своих, под знаменами нелюбимой габсбургской монархии.

Немудрено, что югославянские полки Австро-Венгрии часто дезертировали к своим и к союзникам вообще; что хорватские и словинские политики эмигрировали в антантские государства, главным образом в Париж, где в 1915 г. был основан — „Юго-славянский Комитет" ставший главным центром югославянской ирриденты против Австро-Венгрии и ратовавший за об'единение всех югославян в одном общем национальном государстве.

Благодаря работе этого комитета были организованы югославянские легионы, храбро воевавшие за освобождение родины в рядах союзников.

Югославянская эмигрантская акция велась параллельно и сообща с чехословацкой.

В лице проф. Масарика — югославяне имели искреннего друга и знатока своего вопроса, испытанного защитника своих самостийнических стремлений.

Во Франции — приятелем югославян был известный покойный французский историк Дени, симпатизировавший с угнетенными славянами.

В Англии — их защитником был — выдающийся ученый и специалист по национальному вопросу в Австро-Венгрии — Сетон-Вотсон, автор большого труда о югославянской проблеме, появившегося еще в 1912 г.

В пределах Австро-Венгрии югославяне тоже шли рука об руку с чехословацкими самостийниками.

Вместе и перед всем миром они манифестировали свою несокрушимую волю к независимому бытию на известном римском конгрессе порабощенных народов.

В июле 1917 г. на острове Корфу состоялась обще-югославская конференция, ставшая ареною международной манифестации югославянского самостийничества в смысле государственного и национального об'единения с одной стороны, а с другой — резко сепаратической линии по отношению к Авство-Венгрии.

Корфская декларация или т. нз: „корфская программа", — это исторический документ, своего рода политический наказ для будущего развития Югославии и в этом отношении она напоминает до некоторой степени чехословацкую Вашингтонскую декларацию.

Таким образом, к моменту развала Австро-Венгрии в конце октября 1918 г. — Югославия была уже подготовлена к своему государственному отделению от Будапешта — Вены и к воссоединению с неавстрийскими югославянскими землями.

Она, устами своей эмиграции, решительно и категорически отклонила все федералистические предложения габсбургской монархии, заявив 16 октября 1918 г., что Австро-Венгрия не имеет права говорить от имени югославянских народов.

Между порабощенною родиною и зарубежною эмиграциею установился полный политический контакт. Загреб реагировал без промедления на публичные заявления Югослав. Национ. Комитета, поддерживая его самостийническую и сепаратистическую линию.

28 октября Австро-Венгрия начала разваливаться, а 29 октября загребский сейм провозгласил независимость Югославии, б. австровенгерских ю.-сл. земель и в тоже время образование самостоятельного, национально об'единенного югославянского государства.

До конца года молодая Югославия фактически решила вопрос своего политического об'единения.

Новая Югославия официально приняла наименование — „Королевства Сербов, Хорватов и Словинцев", — запечатлевая, таким образом, свою триликую национальную структуру. По форме правления она стала конституционной, парламентской и наследственною монархиею, сохраняя свою историческую династию Карагеоргиевичей.

В декларации регента Александра, теперешнего короля С. Х. С., опубликованной 6 января 1919 г. по поводу возникновения самостоятельной Югославии говорится, что таким образом „был осуществлен завет, который все наши поколения на протяжении столетий и непрерывно освящали и закрепляли своею кровью. Единогласным решением народа, проявленным единодушным решением наилучших его представителей — были воссоединены, до сих пор разрозненные, части нашей родины в одноцельное государство".

28 июня 1921 г. Югославия приняла свою конституцию, сменившую старую сербскую конституцию, действовавшую с 1903 года.

Так вступило С. Х. С. на путь своей самостоятельной жизни. Прошло десять лет. За это время молодое ю.-сл. государство сделало много в направлении своей консолидации, но, понятно, не смогло еще вырешить окончательно всех проблемм своего внутреннего и внешнего бытия.

Десять лет слишком малый срок для такой колоссальной работы, в Югославии особенно затруднительной, благодаря тяжелому историческому ее наследию.

Впереди ждут Югославию многие, может быть тяжелые задачи. Внешнее ее положение уже достаточно окрепло. Это поможет ей найти нужные силы для окончательного внутреннего утверждения.

Нашим юбилейным приветом молодому королевству С. Х. С. — будет искреннее пожелание преодолеть в ближайшем будущем эти свои затруднения путем неизбежного внутреннего примирения в духе великих заветов недавней освободительной борьбы.

Десятилетие Латвии.

18 ноября Латвия праздновала десятую годовщину своей государственной независимости.

Среди государственных новообразований последнего времени — это, безусловно, один из наиболее интересных представителей, блестяще доказавший, что малочисленные народы и территориально небольшие страны вполне способны к самостоятельному государственному бытию, в то же время являясь носителями политического прогресса в духе модерной демократии.

Многострадальна история латышского народа, как, впрочем, история всякой порабощенной и угнетенной нации. Фактически „неисторическим" народом были латыши до начала прошлого столетия, когда среди них появились первые проблески культурно-национального самосознания, а затем и самоопределения.

До этого времени Латвия была об'ектом германской и шведской экспансии с одной стороны, а русского империализма — с другой.

Особенно чувствителен был гнет немецких баронов, социально и экономически целиком поработивших этот способный и оригинальный народ, принадлежащий к своеобразной и самобытной группе балто-арийских наций, имеющей весьма мало общего со своими непосредственными соседями: славянами и германцами.

В течении полустолетия латыши блестяще завершили круг своего национального ренессанса. Накануне XX столетия — культурно, экономически и социально они были вполне самоопределившейся нацией. Этот процесс оставалось завершить только самоопределением в политическом отношении.

В 1904-1905 г. в Латвии розыгралась национальная революция, направленная против немецкого гнета, кроваво и жестоко подавленная царским войском в союзе с немецкими баронами.

Во время мировой войны Латвия тоже переживала тяжелые дни немецкой окуппации, массовой эвакуации во внутрь России и полную экономическую и материальную разруху своей страны.

Несмотря на эту трагику своего положения, она всетаки национально организовалась и укреплялась, готовясь к кульминационной точке своей освободительной борьбы.

Уже в 1915 г. организуются латышские легионы, как зародыши будущей латышской национальной армии, сыгравшей выдающуюся роль в заключительном периоде латвийской борьбы за политическую свободу и государственную независимость.

На страницах этого журнала Латвии будет посвящен специальный очерк в цикле статей о новых государствах послевоенного времени.

Поэтому здесь, пока что, мы ограничимся констатированием только главнейших дат из новейшей ее истории за свободу, завершенной как раз десять лет тому назад провозглашением государственной независимости Латвии.

После большевицкого переворота в России, в то время, когда столица Латвии — Рига была окупирована еще немцами, — в пограничном городе Валки — был организован Латышский Национальный Комитет, бросивший клич в народ — добиться своей независимости в со-

гласии с принципами национального самоопределения, провозглашенными официально американским президентом В. Вильсоном.

Одновременно, известные латвийские национальные деятели — Чаксте, ставший потом первым президентом латвийской республики и Мейеровиц, — заслуженный министр иностранных дел этого молодого государства — отправились в Лондон и Париж, чтобы там дипломатически подготовить дело признания независимости Латвии.

Это была не легкая задача, ибо впереди Латвию ожидали еще тяжелые испытания немецких посягательств на ее территорию и большевицкой, правда, недолгой оккупации.

Имея свою национальную армию и поддержку Антанты, — Латвия справилась с этими опасными покушениями.

Немецкая опасность была устранена капитуляцией Германии на Западном фронте. В связи с этим в Риге осенью 1918 г. образовался латышский демократический блок вскоре об'единившийся с вышеупомянутым валкским национальным комитетом. Сообща подготовлено было провозглашение государственной независимости Латвии — 18 ноября 1918 г.

Надо заметить, что фактически Антанта признала латвийскую республику уже 11 ноября 1918 г. В действительности же, это молодое государство могло приступить к созидательной и организационной работе значительно позже, т. е. в 1920 г., когда окончательно была ликвидирована большевицкая оккупация и установлены границы с ближайшими беспокойными соседями: с Германиею и Россиею, что случилось в июле и августе 1920 г.

Но уже в мае 1920 г. состоялось латвийское учредительное собрание, выработавшее основные законы и избравшее первого президента Латвии — покойного И. Чаксте.

В ближайшие годы латвийский парламент совершил огромнейшую конструктивную работу, вполне укрепившую государственные устои Латвии и свидетельствующую о большом политическом даровании латышского народа.

Напр., в конце лета 1920 г. был принят аграрный закон, решающий наболевший земельный вопрос. В том же году весною латвийские порты были об'явлены свободными, благодаря чему была открыта дорога для торгово-экономического возрождения этой молодой республики.

В 1921 г. Латвия удачно стабилизовала свою валюту и таким образом упрочила свое финансовое положение. В 1922 г., зимою, она приняла свою весьма демократическую конституцию в окончательном виде. В тоже время было упрочено ее международное положение вообще, а в частности благодаря балтийскому режиональному блоку Латвии с ее ближайшими соседями.

22 января 1921 г. Антанта признала Латвию **de jure**, а 22 сентября того же года она была принята в Союз Народов.

Словом, молодая латвийская республика, родившись на свет десять лет тому назад среди васьма неблагоприятных обстоятельств, сразу показала себя дельным членом международной семьи. В этом залог ее будущего развития и прогресса. Свой первый юбилей Латвия может отпраздновать с гордостью и радостью.

••••••••••••••••

Д-р А. Балабас.

Памяти трагической смерти А. И. Кулабухова.

В ноябре этого года, исполнилось десять лет со времени трагической и мученической смерти Алексея Ивановича Кулабухова. 20 ноября н. ст. исполнилось девять лет со дня жестокого, бессмысленного злодеяния и отвратительного насилия, какое совершила Доброармия над Кубанью.

Когда возвращаемся мыслью к прошлым дням неравной, но героической борьбы Казачьих Земель с коммунистической Москвой, становится страшно и жутко от той роковой слепоты, упорного и злостного непонимания происходивших событий, какое проявляли тогда те обломки царской России, что спаслись от большевицкой ярости уходом в Казачьи Земли. Ушли сюда и здесь, пооправившись от оцепенения, каким заболела вся Московия после октябрского переворота, снова коварно и предательски впрягли казачество еще на некоторое время в разбитую, старую и негодную колесницу „Единой-Неделимой".

А когда против этой безнадежной и противоестественной затеи озвались голоса тех, кто лучше, чем патентованные и сановные политики российского клейма, понимали смысл событий и значение времени, у чернобелых „витязей" не нашлось другого возражения, как револьвер и виселица. Сначала скрыто вели они расправу (более систематическую и жестокую, чем с большевиками!) с противниками „Единой-Неделимой"; потом, под прикрытием ночи, подло и трусливо расстреливали своих противников и, наконец, когда, в роковом их ослеплении, им показалось, что „настал их час", они всей мощью своего военнополитического аппарата навалились на тех, кто нес на себе почти всю тяжесть антибольшевицкой борьбы.

———

Пролог и содержание ноябрской кубанской трагедии 1919 года, в которой погиб А. И. Кулабухов, можно схематически передать так:

В марте 1918 года, в станице Ново-Дмитриевской, на Кубани, был подписан договор между представителями Кубани и командованием русских добровольческих отрядов, что, спасаясь от большевиков, очутились на территории Кубани. Договором обоюдно признавалось существовавшее до момента подписания договора фактическое положение вещей, а значит и то, что Кубань ест независимое государственное образование. Из всех, подписавших договор со стороны Доброармии, повидимому, только один ген. Л. Г. Корнилов был намерен серьезно выполнить условия договора. И действительно, когда ген. Корнилов был убит большевиками, сейчас же обнаружилось, что командование Доброармии страшно тяготится взятыми на себя „обязательствами". Всякий шаг, всякое действие Доброармии, как только миновала смертельная опасность со стороны б-ков, были направ-

лены к невыполнению договора. Ясно, что при таком поведении одного из контрагентов, чувства дружбы нарастать не могли.

Но хуже всего было то, что и среди самих кубанцев вскоре выявилось разное отношение к договору, или вернее, к целям, преследуемым договором. Одна, большая, часть кубанских политических деятелей, считала, что независимость Кубани является не только средством, но и целью антибольшевицкой борьбы, другая же — считала это всего лишь средством. И, на почве этого разного понимания основного вопроса событий, происходило нарастание враждебности между одной частью кубанцев и Доброармиею и сближение Доброармии с другой группой кубанцев. Происходило „расслоение" кубанских политических сил, бывших, до прихода на Кубань Доброармии, едиными и спаянными общей опасностью и общей целью.

Вся тяжесть положения заключалась в том, что в с ё, активно выступавшее против б-ков, население Кубани и большинство представителей ее законодательных установлений, не одобрявших ни политики, ни поведения Доброармии, фактически не могли влиять в должной мере на ход событий, так как все функции исполнительной власти, по несчастной случайности, сразу же оказались в руках той, меньшей, политической группы кубанцев, какая разделяла и поддерживала политику Доброармии. При таком „расслоении" сил нельзя было ждать ни скорого, ни благополучного выхода из затруднений. И поэтому каждая сторона по своему готовилась к схватке: одни заседали, говорили и... наивно думали, что „те не посмеют", а другие ждали „подходящего случая".

Подходящим случаем Доброармия сочла „Договор дружбы", подписанный в Париже представителями Кубанской Краевой Рады с представителями Меджилиса горских народов Кавказа. Запоздало и грубо „придрался" Деникин к этому прекрасному акту проявления взаимного уважения и сотрудничества соседей и начал расправу с ненавистной ему „самостийной" Кубанью.

А. И. Кулабухов был в составе той делегации Кубанской Рады, некоторые члены которой подписали „Договор дружбы". Он, убежденный сторонник независимой Кубани, верил в то, что независимость эта уже в некоторой степени осуществлена. Но жестоко ошибся. Когда он возвратился из Парижа в Екатеринодар, никто не мог помешать тому, что его огласили изменником своему народу и никто не мог защитить его от слепой и яростной злобы добровольческой опричнины.

Его, члена Кубанской Краевой и Законодательной Рады, бывшего министра, не совершившего ни одного греха против своей Родины, участника ледяного похода, ни Рада, тогда заседавшая, ни Войсковой Атаман, не могли защитить от обыкновенной пьяной банды профессионального вешателя Покровского. Не могли защитить потому, что тот, кому кубанский народ доверил зашиту своей свободы и своего достояния, Войсковой Атаман Филимонов, в лакейском раболепии полностью передоверил черно-белым „витязям" и свободу и достояние Кубани. А сам превратился в трусливого и жалкого созерцателя того унижения, какое переносила Кубань от этих „витязей". И не мог (а то может быть и не хотел!) помешать тому, что бы всего в нескольких шагах от его дворца, на исторической площади города, была поставлена виселица для одного из лучших сынов Кубани.

А. И. Кулабухов имел полную возможность избежать рук добровольческих палачей. И все же не ушел, не убежал. Отдался под защиту своего Атамана.

Случилось это днем 6 ноября. А на рассвете 7-го его труп уже качался на виселице, в черкеске, с „позорной" надписью на груди: „За измену казачеству".

Можно-ли было выдумать что либо более лживое и несправедливое, чем эта гнусная надпись?! Назвать изменником Казачества того, кто всю жизнь посвятил служению Казачеству! Если изготовившие эту надпись только себя и только таких, как они, считали казаками, то тогда надпись эта была на месте.

Говорят, что надпись изготовил кто-то из офицеров-кубанцев из окружения Покровского. Если это так, то знали-ли эти безумные слепцы, что покойный Алексей Иванович, больше чем кто либо другой, много раз рисковал своей жизнью ради офицеров, когда, в 1917г., ежедневно десятками вырывал их из рук раз'яренной солдатчины? Его пламенному слову и его неустрашимости быть может десятки и сотни офицеров обязаны своей жизнью! — Но, за отвратительный поступок профессиональных вешателей кубанское офицерство не может нести ответственности. То был акт безумия того отребья, что всегда, в дни кровавых несчастий народных, собирается добровольно вокруг плахи и виселицы.

———

Целью деникинской „карательной экспедиции" на Кубань в ноябре 1919 г. не было одно лишь „наказание" „изменника" Кулабухова. Главной целью этого похода было — уничтожить всякое проявление свободы и независимости Кубани, устранить в с е х, кто не одобрял добровольческих способов „освобождения" России. И „преступление" Кулабухова было в этом случае лишь удобным предлогом. Поэтому, Алексей Иванович погиб не за свое „преступление", а, как искупительная жертва, за „грехи" других. В смерти его повинна не только Доброармия и ее слуги из кубанских единонеделимцев, но значительную долю вины за эту смерть несет на себе и та группа кубанских политических деятелей, к которой принадлежал и покойный.

Вина этой группы заключается в том, что она оказалась бессильной практически защитить проповедуемую идею независимости, в том, что она дала себя убаюкать разговорами о невмешательстве в компетенцию исполнительной власти и этим была оторвана от населения и отстранена от войсковых частей. Когда настал момент решительных действий, у этой группы, чьи идеи разделялись всем активно боровшимся населением, средствами защиты от насильников оказались лишь красивые слова и красивые жесты. И это тогда, когда соотношение и физических сил на месте главных событий не было уж так блестяще в пользу ее противников. Нужна была действенность, решительность. Ничего этого у самостийнической группы в то время не было. И поэтому, для „смягчения" конфликта, самостийники добровольно сдались своим врагам.

Из этого печального факта нужно извлечь то поучение на будущее, какое дают каждому события подобного рода.

Говорят, что история ничему не учит. Это, очевидно, нужно понимать так, что исторические события неповторяемы. Но они всегда поучительны. Поучительны и важны просто как грани, как линии между определенными историческими эпохами или периодами. В этом смысле ноябрские события 1919 г. на Кубани имели колоссальное значение. Они, эти события, имели то значение, что определили перелом не только в общем ходе антибольшевицкой борьбы Кубани в союзе с Доброармией, борьбы, непредвиденно затянувшейся и изменившей свои первоначальные цели и задачи, но они также создали и глубокий перелом во взаимоотношениях между „общероссийскими" и „окраинными" антибольшевицкими силами. Как убийство добровольцами Н. С. Рябовола было предостережением, указанием на то, в о ч т о превращается антибольшевицкая борьба Казачества в союзе с Доброармией, так гибель А. И. Кулабухова была неоспоримым доказательством п р о т и в о е с т е с т в е н н о с т и и б е с с м ы с л е н н о с т и союза Казачества с „общероссийскими" силами.

В этом заключается исторический смысл кубанской трагедии, в которой погиб А. И. Кулабухов. И в этом будем видеть оправдание людской жестокости и искать утешения в том несчастьи, какое понесла Кубань, потеряв лучшего из своих сынов.

Своею жертвенной смертью А. И. Кулабухов на момент удовлетворил слепую и безграничную ярость насильников, и этим спас многие жизни. Это необходимо помнить тем, кто должен был разделить его судьбу, помнить и сторицею работать для осуществления той идеи, за которую он погиб.

Инж. Т. В.

Экономика и проблема самостийности.

В прошлом своем очерке (см. статью „Экономика и проблема самостийности“ в №. 22 „В. К.“) мы пришли к выводу, что крах единства России есть крах выгодности этого единства, а „сепаратизм“, „самостийность“ и т. д. — это, в конечном счете, проблемы „выгодности“. Рассмотрим теперь несколько ближе эту проблему выгодности в ее экономическом аспекте.

Что представляет из себя, собственно, „выгодность“? — Положительную ценностную разность между тем, что дается и тем, что получается в обмен; такая природа выгодности остается и при одностороннем движении благ. Рассматривая с экономической точки зрения сущность течений за отделение тех или других областей от центра, мы не можем не уловить следующее основное построение: „сумма всех благ, отдаваемых данной областью центру, превышает сумму благ, получаемых взамен от центра,“ — это исходная точка самостийников; „ценность отдаваемого Вами не только не превышает ценность получаемого взамен, но, наоборот, во многом Вы получаете от нас больше, чем даете нам“, — вот суть ответа „неделимцев“.

Если отбросим предвзятость суждения и допустим, что обе стороны чистосердечно ищут правды, то мы будем принуждены признать странный факт: обе стороны правы! Как же создается такой логический казус? Создается он из различных методов оценки; проще говоря, на одни и те же вещи смотрят разными глазами. Кусочек разбитой черепицы может представлять большую ценность для археолога и никакой для агронома; долларовая бумажка стоит в глазах менялы больше, чем самый редкий папоротник, имеющий огромную ценность в глазах ботаника и т. д.

Споры между ними нам показались бы до детскости наивными и смешными. А в то же время, когда такие споры начинаются в области „самостийности“ и „неделимости“ мы не замечаем всей их частной нелогичности, не замечаем, что „один говорит про Ерему, другой — про Матрену“. Нет одного языка и находить его подчас бывает очень трудно.

С этой точки зрения наука, занимающаяся явлениями народного богатства, стоит в более выгодном положении. В ней легче найти общие коэффициэнты, привести споры к одному знаменателю, цифрой и ценой измерить об'екты своего исследования. Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что и понятие экономической ценности и методы ее установления далеки от совершенства. Но все же здесь исходные точки можно свести к двум началам: началу об'ективному (трудовые теории) и суб'ективному (теория предельной полезности, как наиболее яркая его представительница). Даже и на этом современная экономическая мысль не останавливается, а доказывает, что и эти два начала не суть противоречивы, а лишь две разных стороны одного и того же явления. Имеется уже много довольно удачных попыток синтеза этих двух теорий (попытки синтеза того же Туган-Барановского, современные, в полном смысле этого слова, труды Касселя и много др.). Т. обр., имеется метод (пусть даже 2, но и только), которым могут пользоваться обе стороны. А только при возможности установления единого метода подхода к вещам и можно понимать друг друга.

Мы думаем, что если упомянутые две исходные точки „неделимцев“ и „самостийников“ приводят обоих к различным выводам, то именно потому, что они меньше всего применяются в области экономики. Измерить отдаваемое и оценить получаемое взамен в области экономики хотя и трудно, благодаря общему несовершенству человеческих средств, методов, мышления и т. д., — но все же легче, чем подобное „ценностное измерение“ в других областях. Вот почему мы и придаем экономической постановке проблемы самостийности исключительное реальное значение. Именно экономика может поставить точки над „i“, и определить, что кому выгодней.

Еще Бастиа провозглашал, что потребление должно быть поставлено во главу угла политической экономии. Ряд современных экономистов стоит на этой же точки зрения (напр. популярный французский экономист Шарль Жид). Мы, однако, придержимся традиционного взгляда: там, где начинается потребление, область политической экономии кончается. В поле нашего исследования, т. об., останутся традиционные: производство, обмен, распределение. По этим трем отделам и можно бы было рассматривать проблему экономической выгодности. Однако, рассматривая эти вопросы под нашим углом зрения, мы всегда остаемся на противоставлении интересов бывшего „целого“ и его „частей“. Реальное взаимоотношение между „целым“ и „частями“ возможно лишь в форме обмена в самом широком смысле этого слова. След. областью, где определяется выгодность тех или других форм отношения, в итоге является обмен и только обмен.

Сюда в чистом виде и должно быть прилагаемо измерение отдаваемого „частями“ „целому“ и получаемого ими же от последнего. В порядке этих измерений и должны искаться те линии — границы, при которых стороны извлекали бы максимум выгодности из процесса взаимного обмена. Скажем проще: мы считаем, что политическая карта мира едва ли когда либо сможет быть скроена так, чтобы удовлетворить всех, но если искать наименьшее возможное из зол, то границы политические должны по возможности совпадать с границами экономических интересов. С этой точки зрения мы считаем границу между Испанией и английским кусочком земли, Гибралтаром, несравненно более обоснованной, а след. и крепкой, чем, напр., проведенную по этнографическому принципу границу между Сербией и Болгарией.

Современная экономическая жизнь мало считается с границами политической карты: могучие концерны, тресты и т. д. кроят сами свою собственную карту мира, создают области влияния, контроля, районы сбыта и т. д. Пошлины, таможни, запреты ввоза и вывоза покоющиеся на политических моментах — все это обходится, стирается, и преодолевается, если идет в разрез с интересами экономическими. В этой области зарождаются и военные конфликты нашего времени. Если было время войн за наследственность корон и за крест, то наши войны — это войны из-за экономических интересов. Пусть нам говорят о высоком патриотизме немцев и о всех благородных побуждениях союзников, — мы со всем этим согласны, признаем и отдаем должное уважение и этим мотивам, но... из-за одних их огрубелое (или быть межет „еще слишком грубое и черствое“) человечество наших дней за оружие бы не взялось и Великая война бы не вспыхнула. Она вспыхнула тогда, когда экономическая экспансия Германии стала слишком опасной для других, а с другой стороны препятствия ставившиеся другими державами Германии в области экономического развития стали ей представляться разрешимыми лишь кровью и железом. Сбруя политика оказалась не по коню экономики.

В свое время таможенный союз немецких государств, т. е. опять таки общность границ „экономических“, родил Германию. Как ни трудно было планировать экономическую жизнь послевоенной Венгрии и Австрии, или молодой Чехословакии, все же оно прошло удачно в значительной мере потому, что их современные политические границы во многом совпадают с экономическими границами хозяйственных районов прежней Австро-Венгрии, — и т. д.

Во всех этих случаях экономический интерес проявился, как известная сила, которая настойчиво и твердо действует в своем определенном направлении. Проявления этой силы во вне различны: она то притягивает и соединяет части в целое, то отталкивает и раз'единяет. В каждом случае, однако, ее природа остается той же: экономической выгодностью. Нельзя забывать про эту силу и в строительстве грядущих судеб всех тех, кто еще недавно составлял части бывшего огромного Российского целого. Пренебрегание этой силой,

закрывание на нее глаз и витание в облаках отвлеченных идеалов обходится людям на практике всегда дорого.

Тем важнее элемент этой „выгодности“ в наше время. Какими путями пойдет дальше развитие человечества, его мировоззрений и настроений, — мы судить не беремся. Быть может на смену века пара, машин, электричества и холодного торгового расчета прийдет век возвышенного идеализма, — не знаем. Быть может идеалы Вильсона были первой вспышкой грядущих веяний в международной политике? Может быть с Вильсоном умерли и его идеалы? — Тоже не знаем. Смело констатировать можно одно: наше время (в начале статьи мы уже оговаривались, что будем производить оценки лишь в настоящем времени, только их мы и признаем) далеко еще от времени идеализма в политике и наоборот является эпохой экономических расчетов. В реальной жизни сейчас торжествуют экономические интересы и расчеты. Высокие материи наполняют тысячи книг и журналов, начинают наполнять и сердце людей, но к сожалению еще не настолько наполняют содержание всей окружающей реальной, жизненной действительности, чтоб решать реальные вопросы было можно опираясь на них. Подход к вещам „трезвый“ сливается с подходом „экономическим“.

Границы бывшей Российской Империи создавались веками по различным мотивам: империалистические тенденции географического расширения, „безпокойные соседи“, от которых нужно было избавиться, благородные устремления ряда идеалистически настроенных вершителей судеб бывшей России, иногда мы готовы признать и это — и т. д., но один мотив улавливается очень слабо: экономический интерес. А это, в лучшем случае, несовременно. Такое же отсутствие несовременности мы видим и во внутренней экономической структуре бывшей Империи. Все оставалось так, как сложилось века назад. Но время шло вперед, приносило новые задачи, новые побуждения, рождало новые проблемы. Земли, бывшие раньше „аванпостом“ и населенные дикими „людьми кушающими сырое мясо“ (ведь многие иностранцы и до сих пор так представляют казаков), стали могучими экономическими районами, районами питавшими „целое“, ставшими для последнего уже „неот'емлемой частью“, а не простым аванпостом.

Не логично-ли заключить, что, если значение „частей“ для целого переменилось, то переменилось, и значение целого для частей? Если в процессе обмена благами начинает отдаваться другое, то ведь и получаться то должно нечто другое. А между тем, в то время как в „частях“ происходила огромная эволюция, центр застыл в старых традиционных формах...

В степях „окраин“, где раньше паслись табуны диких лошадей, выросло могучее народное хозяйство, во многом даже ставшее выше среднего хозяйственного уровня „целого“. Выросшее молодое народное хозяйство постепенно уже делалось частью хозяйства мирового; его продукты поступали на мировой рынок, в него вливался иностранный капитал, им интересовались иностранцы, оно вовлекалось в круговорот менового хозяйственного обмена. Начала определяться, может еще и медленно, лишь слабыми силуэтами, необходимость какой то организационной структуры. Рождалось и росло искание координации сил вместо прежнего векового начала субординации.

Экономическая жизнь всегда является лучшей почвой, на которой начинают пышно всходить семена сознания собственной силы, семена духа индивидуализма и самосознания. Самоанализ, сознательное отношение к действительности, оценка и искание выгодности во всем творящемся в процессе взаимоотношений с „целым“ (а это все лишь гигантский процесс в широком смысле обмена), и те выросшие трезвость и анализ, на которых покоится всякий экономический расчет, — вот факторы, породившие проблему самостийности. Иногда эти факторы выливаются в формы и явления, стоящие далеко от экономической жизни, настолько далеко, что создается иллюзия, будто они и рождаются вне экономики. Мы готовы признать ряд и таких факторов, хотя все же считаем, что главная масса их уходит своими корнями в экономическую действительность. Точное измерение, точная сравнительная оценка и разрешение этих начал в области экономической действительности и составляет, по нашему мнению, ключ к проблеме самостийности.

••••••••••••••••

О. Долинский.

По поводу десятилетия Чехословацкой республики.

III.

Если не легка была задача ч.-сл. самостийников на внешнем фронте, то, пожалуй, еще более трудной была она на фронте внутреннем, т. е., на родине, где погибающая Австро-Венгрия использовала весь свой государственно-политический аппарат, чтобы политически всецело задушить Чехию, которая являлась авангардом антигабсбургской революционной деятельности.

Из всех воюющих государств только одна Австро-Венгрия сразу отменила у себя конституционализм и парламентаризм. Она держалась внутри явным абсолютистическим режимом.

Чехословацкий сепаратизм дома открыто начал проявляться с весны 1917 г., когда, под влиянием русской революции, — в Австрии ослабел абсолютизм и возобновлен был снова парламентаризм.

К открытию венского „райхсрата“, назначенного на 30 апреля 1917 г., — чешский народ публично заявил о себе знаменитым „манифестом писателей“, составленным по инициативе маститого писателя А. Ирасека, автора многочисленных исторических романов, очень популярных среди наиболее широких масс и, собственно говоря, уже в довоенное время постепенно воспитавших их в национальных антиавстрийских стремлениях.

Этот манифест, отстаивая право чешского народа на национальное самоопределение, констатирует, что оно вполне гармонирует с политическими лозунгами мировой войны, обещающими „будущей Европе новое демократическое устройство; вся наша политика должна иметь такие же великие освободительные кличи...“

Понятно, что в это время было еще преждевременно в венском парламенте выступать с программою полного отделения ч.-сл. земель от Австро-Венгрии, хотя некоторые партии и политики этого тогда уже хотели.

Вот почему в историческом заявлении чешского союза с трибуны венского „райхсрата“ 30 апреля 1917 г. требуется отмена злощастного дуамума и „в интересах целой империи и династии“ перестройка Австро-Венгрии „в союзную державу свободных и равноправных национальных государств“.

Вместе с этим декларация эта требует „воссоединения всех ветвей ч.-сл. народа в демократическом чешском государстве...“

Естественно, что эта, хотя и компромиссная декларация оказала огромную нравственную поддержку ч.-сл. революционной эмиграции, будучи публичным проявлением воли чешского народа к политическому самоопределению.

Следующим актом, весьма интересным в этом отношении, был меморандум чешской С.-Д. партии, представленый, месяц спустя, на известную международную социалистическую конференцию в Стокгольме.

В Стокгольме сошлись чешские представители от родины и емиграции, чтобы договориться относительно дальнейшей тактики. Эти последние требовали от первых полного политического разрыва с Габсбургами и

Австро-Венгриею, а, стало быть, — принятия политической программы парижского ч.-сл. революционного комитета, „отстаивающего линию абсолютной независимости будущего Ч.-Сл. государства и, таким образом, непримиримого сепаратизма по отношению к Вене и Будапешту.

Для последующего развития чешского освободительного движения внутри страны это обстоятельство было в высшей степени важным, ибо только после Стокгольма и безусловно под его влиянием чешские активисты дома одержали победу над пассивистами, полагавшими, что чешский вопрос можно решить в порядке австрийского государственного реформизма, а не путем постановки его в международном масштабе.

2 июля Вена амнистировала чешских общественных и политических деятелей, в начале войны заключенных в тюрьме, а среди них — Клофача, Крамаржа и Рашина. Все они сразу очутились в лагере антиавстрийских активистов.

Во второй половине 1917 г. и в начале 1918 — в лоне всех чешских политических партий произошла внутренняя реорганизация с полною победою антиавстрийских самостийнических элементов.

Таким образом, постепенно и внутри страны чешский вопрос политически окончательно был переведен с австрийских рельс на международный форум.

Понятно, что против этого решительно выступила Вена, устами своего министра иностранных дел, графа Чернина — отстаивавшая внутренно-государственный характер всех национальных вопросов Австро-Венгрии и требовавшая решения их конституционным способом.

Когда в Брест-Литовске Австро-Венгрия заключила мир с большевиками, игнорируя свои народы, — чехи решили протестовать против такого поведения Вены.

Так, 6 января 1918 г. состоялось знаменитое заседание всех чешских депутатов, со всех областей, на своеобразном всеобщем вече в Праге, на котором была принята т. наз. „třikrálóva deklarace“. явно сепаратистического содержания.

В ней отстаивались положения, что „все народы — большие или малые — имеют одинаковое право на самоопределение“ Далее, что чехи требуют полной самостоятельности, т. е., собственного государства „суверенного, полноправного, демократического, социально-справедливого... в пределах исторических провинций областей своих и своей словацкой ветви“.

Другого решения своего вопроса чехи не хотели и заявляли, что всякие попытки обойти эту их волю было-бы началом новой борьбы за полную независимость.

Австрийская цензура сначала запретила опубликование этой декларации, но затем под давлением парламента должна была отменить этот свой запрет. Венское правительство должно было утешиться желательным предположением, что чешское население „лучше“ своих сепаратистических депутатов и останется „к счастью Австрии“ лояльным к царствующей династии.

На протяжении следующих месяцев Австро-Венгрии не раз пришлось горько убедиться в своем заблуждении на этот счет. Напрасно граф Чернин с парламентской трибуны предавал анафеме чешских „изменников“ и „предателей“, идущих по стопам „несчастного и жалкого Масарика“.

13 апреля 1918 г. в Праге, на собрании от представителей всех чешских национальных и общественных организаций, в ответ на это нападение австрийского министра иностранных дел, была принята торжественная присяга, которую прочитал тот же А. Ирасек и в которой заявлялось к сведению целого мира:

„Останемся на том месте, где мы стали. Верны себе в работе и в борьбе; верны себе в страдании, верны себе до гроба! Мы выдержим, пока не победим! Мы выдержим, пока не будем приветствовать независимость своего народа“!

В мае месяце 1918 г. Чехи праздновали юбилей пятидесятилетия своего национального театра — „Národní divadlo“.

Благодаря усилиям „Маффии“, это торжество превратилось в совместную демонстрацию австрийских Славян против Вены.

Вместе с Чехами здесь выступил известный, покойный словацкий поэт — Гвездослав, подчеркивая общность чехословацкой освободительной борьбы.

Эти торжества закончились политическим собранием (17 мая) представителей всех угнетенных австро-венгерских народов, заявивших свою непримиримость по отношению к черно-желтой монархии и обещавших употребить все свои усилия для того, чтобы „их народы добились в этой ужасной войне своего освобождения, т. е. своих собственных самостоятельных государств“.

Процесс об'единения чешских самостийников неуклонно шел вперед. 13 июня был основан „Národní výbor československý“ (Национальный ч.сл. комитет), в котором об'единились активистские чешские партии, признавая этот центральный политический орган „выразителем настоящей воли народа и исполнителем всех совместных, исторических заявлений, завершенные торжественною присягою 13 апреля 1918 г.“.

Во главе комитета стал приговоренный к смертной казни Австриею — др. Крамарж. Его помощниками были Швегла и Клофач. Секретарем — др. Соукуп; фактически, стало быть, те деятели, которым суждено было совершить революционный переворот в Праге 28 октября 1918 г.

Главной задачей „Н. Ч.-С. К.“ — было технически подготовить создание молодого Ч.-Сл. государства на развалинах умиравшей Австро-Венгрии. Стало быть, организовать необходимый кадр чешских чиновников, нужных на первых порах для собственного административного аппарата; подготовить собственную организацию, военных сил и полиции, что было доверено председателю „Сокола“ и члену „Мафии“ — д-ру Шейнеру. Наконец, создать планомерную хозяйственную и продовольственную организацию, для чего был основан „Земский хозяйственный комитет“.

Эта подготовительная работа, хотя сосредоточивалась в Праге, как в руководящем центре, одновременно распространялась и на провинцию, благодаря чему октябрский переворот в Чехии мог совершиться безкровно и даже безболезненно, не смотря на то, что подготовлялся он на весну 1919 г., когда предполагался и ожидался окончательный развал Австро-Венгрии.

Габсбургская монархия в своей агонии — не понимала уже революционного значения всех этих событий в Чехии и среди остальных славянских народов. Она отмахивалась от них словесными и бумажными анафемами, предаваясь соблазнительной „иллюзии,“ что немцы — этот „позвоночник“ австрийского разнонационального государства, по выражению премьера Сайдлера, — спасут ее перед крамольными кознями славянского сепаратизма.

Но осенью 1918 г. на Балканах начал разваливаться военный фронт центрального блока. Австро-Венгрия, естественно, стала одною из первых жертв этого всеобщего погрома. Так же естественным был и пражский переворот 28 октября, завершивший планомерную самостийническую работу ч.-сл. революционной эмиграции и национальных активистов на родине.

В последней главе этого очерка мы увидим, как все ними было великолепно подготовлено и как молодая ч.-сл. республика хорошо справилась на первых порах с очень тяжелою задачею государственного созидательства.

Д-р С. Федоров.

Анкета о Казачестве.

II.

Оно, конечно, весьма „интересно“ знать, что думают о Казачестве, его прошлом, настоящем и будущем российские „баре“, милостиво соблаговолившие дать свои ответы на анкету.

Люд разнообразный и по профессиям, и по политическому и общественному значению, и по своим связям с казаками. Писали в сборник от правых и до левых, но, опять таки, очень „левых“ в сборнике нет. Не попали туда и такие небезинтересные представители, как эсэровская группа Чернова. Понятно — по тем же мотивам: они „предатели“ Единой-Неделимой, т. к. создали Лигу Нового Востока и признают право самоопределения за всеми народами б. России.

Лигу эту в сборнике „помянули“ не раз и, конечно, не „добрым, тихим словом“, а нам бы, казакам, было бы интересно узнать и черновские мысли о нас. Ведь этот же „крестьянский министр“ говорил когда то, что: „казакам придется потесниться“, а теперь, проповедуя самоопределение всех народов б. России, о народе казачьем, занимающем в СССР третье место по своей численности, „политически“ умалчивает.

Разумеется, что и Чернов, как и вся, высказавшаяся в сборнике русская публика, заинтересованы прежде всего тем, чтобы „казачки“ послужили. Как послужили и где послужили — это уже другое дело. Одни полагают, что служить придется и далее по военному, т. к. казаки „выше всех прочих видов оружия Русской Армии“ (Митрополит Антоний, стр. 25). Значит — будут образцом... Другие полагают, что исконной миссией казачества была защита российских границ и русского народа... Говорят это и военные, и штатские, и духовные. Да как же иначе? — они себе иной роли казачества в „Новой России“ и не представляют, как служилого сословия; одни говорят об этом мягковато, другие решительно, как ген. Данилов (стр. 38), заявляющий, что „в деле организации военной обороны Родины“, верховенствует лишь один закон — закон „государственной целесообразности...“ Итак, казачеству уготовится снова роль пушечного мяса в борьбе за чужие интересы.

В общем, все „мягко стелят да жестко спать“ придется казачеству. Недаром же „Возрождение“ отмечает, что „все неказачьи статьи проникнуты симпатией к казачеству“. Как же не „посимпатизировать“, когда этот „пес сторожевой“ еще — ой, как понадобится „Новой России“ и ее народу.

Только вот русские авторы теперь уже никак не склонны давать казачеству какие либо „привилегии“ за службу. „Государство... не наделит их особыми привилегиями против прочих своих сынов“, — пишет Деникин (ст. 28)... Какие там привилегии в „Новой России“ для „казачьего сословия“? — разве что одно: лить свою кровь и складывать головы. Деникин, по опыту своего командования „убедился“, что казачья масса, сознающая себя „по крови и до костей русскою“, иначе и думать не может.

Тем более, что казачество и не есть что то уж особенно ценное: князь П. Д. Долгоруков (38—39) убежден, что казаки потому и составили себе дурную славу на Западе, что во время Великой войны „практиковали под час некоторые средневековые приемы ведения войны“ и „не всегда имели достаточно дисциплины и несли в себе елементы деморализации...“ Однако, и он — сторонник использования в будущей России „воинской доблести“.

„Кадетское мнение“ о казачестве вообще не „ахти“ какое. „Слабые“ стороны казачества по его мнению: отделенность от других групп по принципу классовых привилегий; „недостаточная культурность земледельческой массы; свойственные этому уровню просвещения пороки, не перешедшее из инстинкта в сознанно чувство солидарности, как местной так и всероссийской...“, хотя „казачество всегда было особенно близко именно нашему политическому движению“. (Милюков стр. 59). Харламовские друзья и менторы „подковали“ своего приятеля, распинающегося о „демократической федеративной российской республике и свободном казачестве в ней“: ка-детские лидеры ни слова не проронили о федерации в России и о „свободном казачестве в ней“.

В этом отношении митрополит Евлогий (стр. 25) куда „левее“ Милюкова и Долгорукова. Он говорит, что государство не будет посягать на „вольности“ казачества и что „будет вольный казак свободным сыном... Свободной России“. Таких решительных заявлений не много и только Авксентьев (стр. 29) и Карташев (стр. 47), б. министры Вр. правительства, говоря о России федеративной, устанавливают, что „казачьи области являтся равноправными членами этой федерации“.

Большинство же трактует о таком сяком самоуправлении, с опаской оглядывается на историческое прошлое казачества в области его стремлений к вольному житью. Деникин вообще осуждает „неумеренное, под час, свободолюбие „казачества“ и констатирует, что „казачья старшина не ладила с обще-русскими элементами“ (в 1918-20 г. г.) и что казаки „в отстаивании... казачьих вольностей, переходили не раз границы необходимого“. Так же и писатель Алданов (стр. 30) находит, что вольнолюбивая черта казачества „является... слабой его стороной“.

Не нравится вообще „русскому барину“ казачье вольнолюбие и м. б. именно поэтому значительное количество русских авторов касается вопросов казачьего сепаратизма и самостийности.

Появление в свет нашего журнала в момент выработки анкеты безусловно встревожило неделимцев и они неприминули не сказать своего мнения о самостийных стремлениях.

Наш пражский Юренев (стр. 73), находя, что идеи самостийности возникают только в „психологии эмигрантского безделья“ и „являются результатом преувеличенного казачьего патриотизма“, рекомендует: „чтобы эти течения встречали резкую и немедленную отповедь из среды авторитетных кругов казачества“.

Он и ему подобные закрывают глаза на то, что казак в массе и знать не хотел „русского“ человека, что в Новочеркасске задолго до войны „русскому“ квартиры не сдавали и что люди ближе стоявшие к казачеству, куда как злились на этот казачий сепаратизм (Деникин. Очерки Рус. смуты).

А что ж бы теперь посоветовал г. Юренев, когда „авторитетные круги“ и сами присоединяются к Вольному Казачеству?

По мнению некоторых (Астров, ст. 31) только „демагоги и предатели стремятся оторвать казачество от России“. Поэтому у всех их, от правых до левых, такой и подход к стремлениям казачьего люда вырваться из цепких когтей российской опеки и зажить своей свободноуправляемой жизнью.

Митрополит Антоний (ст. 26) пустился даже в какой-то бред. Стремление Казачества „в верхах его и в низах, к политическому сепаратизму“ по его мнению — „бесовский кошмар“, „одурманение“ „образчик морального и политического помешательства“, как результат „оппозиционного духа, привитого евреями и другого рода нигилистами“.

Бедный кандидат всероссийского патриаршества, для которого всякая мысль освобождения от политического рабства есть „бесовское навождение“! „Власть“ ударила в голову мудреца и не даром же Антоний является главою канонического „властебесия...“

Не далеко ушел в этом отношении и Куприн (ст. 53), для которого „краевые частные интересы и вопрос о форме братского союза — стоят... на втором плане“. Наши идеи для него „бред о самостийности, побуждаемый искусственным шовинизмом и науськиваемый ложной ненавистью“. Хороша „ложная“, когда другой деятель прямо говорит, что уже поставлен вопрос „быть или не быть“ казачеству, а само казачество пре-

красно испытало на себе чувства русского народа, начиная особенно с 1917 г. и по сей день.

Ясно, что для некоторых людей никакие примеры национального возрождения и достижения политической независимости не убедительны, для них не существует ни опыта истории, ни положений науки.

По Деникину, „такие идеи, как кубанцы (?) (казаки) самостоятельная ветвь славянского племени..." или „самостоятельной казачьей нации", — рождались у людей скорбноголовых или с продажной совестью".

Кубанский вешатель, на совести которого лежит душа народного избранника — идеального самостийника, одним ударом генеральского сапога отлетает в „скорбноголовые" и всех ученых лингвистов и их логически мыслящих последователей. Деникинская примитивная совесть не может понять идеальных побуждений, заставляющих людей бороться за счастье своего Народа и, конечно, Деникину, с плеядой ему подобных, чуждо и не понятно стремление к конечному завершению идеи равноценности малых народов и малых наций.

Но что требовать от генерала, когда и ученый, блестящий историк России, Кизеветтер (стр. 52) называет „вздорною теорией" учение „о том, что казачество есть особая нация, отдельная от русского (великорусского) народа", „идущее в разрез с исторической истиной."

Мы уже не раз, на страницах этого журнала касались вопросов национальной структуры казачества. И как раз исторический метод и основы национологии, как науки, давали нам возможность прослеживать процес эволюции казачьей самобытности, ведущий к его логическому завершению — национальной самостийности.

Конечно, Кизиветтер, в российском масштабе, — светило науки, но... и на солнце бывают пятна и нет ничего удивительного, когда через призму московского мировоззрения почтенный профессор не видит или не хочет видеть процесса перетворения казачества в обособленный национальный организм.

Ведь утверждает же Алданов (ст. 30), что „понятие казачества и само по себе не вполне определенно... Даже в бытовом отношении оно не составляет однородного целого". А каких только причудливых определений казачества мы не встречаем на страницах Сборника!

Не много таких людей, которые воздают Казачеству должное и не закрывают глаза на печальную долю его, как Петрищев (ст. 61—62) или Челищев (ст. 67—68), говорящий правду открыто, хотя и он, как и многие другие из ответивших неказаков, был в правительстве Деникина: „я утверждаю, что (их) образование (государственных образований было проявлением здорового государственного инстинкта одних и государственного сознания других... Что делал бы авторитет Главного Командования, если б он был одинок и не находил поддержки в авторитете правительств Дона, Кубани и Терека? Мне думается, что он не был бы даже и ни в какой мере авторитетом для казачества, ибо, повторяю, преемственности у него не было, силы тоже, ибо она, главным образом была в казачестве, а великая цель, которая им была поставлена, — освобождение родины, — требовала авторитета, а не заменяла его. Итак, смело можно сказать, что казачество... сохранило в себе начала государственности, доблесть гражданства и волю в борьбе за свои права в несравненно большей степени, чем коренное население России, которое лишь теперь... учится быть гражданином".

Отсюда и исход ложного положения, что „казаки лучшие русские люди", в которых „русский национальный тип сохранился чище и выражен ярче, чем в других частях русского народа. (Евлогий ст. 23).

Разочаровавшись в своем народе, „русские" утешаются хоть казаками, хотя последние разнятся от „русских", как небо от земли. И даже „всероссийский Петрушка" Керенский (стр. 51) поучает казачество, как ему надо держаться в новой федеративной России, чтобы войти „в свободное единство русского народа".

В общем, по всем статьям „русских" проходит красной нитью „оглаживание" и зазывание казаков в Новую Россию, в которой каждый автор склонен уделить им то или иное количество, порой сомнительных, благ и, конечно, за компенсацию „служения".

Цену демо и социо обещаниям определяет сам же „русский", ген. Лукомский (ст. 58). Казакам он дает „широкое местное самоуправление" по рецепту монархическому. Восхваляя свой лагерь он пишет: „Многие из казачьих вожаков совершенно забыли, что главными защитниками казачества и постоянными их покровителями против попыток других органов власти „расказачить" казачество являлись Русские Цари.

Ни при каком демократически-республиканском строе казачество не сохранило бы того, что им было сохранено при существовании Монархии... Если же, паче чаяния, Россия пойдет по пути демократически-республиканском, то от казачеств останутся только названия... иногородний элемент поглотит элемент казачества и последнее не будет ничем отличаться от других частей Государства Российского".

Это то обстоятельство мы отлично учитываем, но также не делаем себе иллюзий и в отношении монархии — горький опыт истории научил нас не верить ни царям, ни их преемникам — венценосному народу.

„Белая собака, черная собака, все равно собака „говорит горская народная мудрость.

Какое же общее впечатление остается от „русской" части Сборника?

„... Она вышла бледной и мало интересной. Многие поместили формальные отписки или наспех написанные отзывы людей, открыто признававших, что они никогда не интересовались казачьим вопросом", говорит „Возрождение" (№ 1227).

У будущих строителей „Новой России" не нашлось часа и времени для должного ответа на болючие вопросы казачьи. Русскому „барину" некогда заниматься казачьей „шушерою". „Лакея" и „сторожа можно поместить всегда в закуток и он должен быть доволен и за эту милость в будущей России.

Вот психология писавших.

„При решении вопроса на началах самостийности..." придется стать в недружелюбное отношение с государственной властью", предупреждает, теперь священник в прошлом донской тов. министра Калашников (ст. 44), пугая и экономическими трудностями самостийной жизни.

— Служи новой России, как служил старой. Спасай Россию и нас от большевиков! вот лейт-мотив „русской части Сборника.

А за службу?

За службу придет расплата так, как о ней писал Крылов в баснях: „хозяин и работник", „Волк и журавель": будут казака-работника ругать и за продырявленную шкуру и за вытащенную из московской глотки кость большевизма.

III.

Выше мы уже говорили о специальном отборе участников анкеты; эта тенденция проявляется и на приглашенных иностранцах.

Два их. Оба — бывавшие в России до революции, оба — близко сталкивавшиеся с казаками там, на Родине, любившие казаков и не потерявшие с ними связи и заграницей, конечно же оба — великие поклонники Великой России и именно поэтому оба — ценные для нас и интересны высказанными ими мнениями.

Г. Грондис (ст. 34) и слушать не желающий об отделении казаков „с южными правительствами от Великой России", тем не менее иначе и не говорит о казаках, как о „казачьих племенах России".

Находя в „институте казачества" аналогию с „античным военным сословием", переходящим в „высшую социальную группу", он, как истый европеец, и не может иначе представлять социальную эволюцию Казачества (в исторической перспективе), как эволюцию „племенного казачьего" вида.

Для европейца не страшны термины и понятия, как: народ, племя, нация, в приложении хотя бы и к Казачеству, — примеров достаточно в научной и публицистической литературе и, право, вспоминая нападки

по этому поводу русских ученых и недоученных „приятелей“ Казачества, думаешь: как далеко еще „евразийским“ мозгам до европейского мышления.

И если так думаешь об ученых противниках, то что же тогда можно подумать о массе русского народа?

Казаков мы исключаем из этой массы. Как совершенно правильно отметил аббат Кэнэ, относящий казаков также к „социальной группе“, казаки более восприимчивы к приобретению достижений европейской культуры, чем общероссийская масса — „для европейца: казаки имеют то ценное преимущество, что они никогда не были совсем оторваны от Европы ... они соприкасались с эллинской, латинской и средневековой цивилизацией ... встречались с нею, они ее знали и цивилизация не является для них чем то совершенно чуждым (стр. 49).

Очевидно, исторический подход аббата Кэнэ совсем не совпадает с таковым же подходом „русских“, но зато он вполне отвечает тем выводам о историческом прошлом Казачества, которые приводились уже на страницах и нашего журнала.

И это не есть „развесистая клюква“ иностранца, какая попадается, напр., у г. Грондиса, когда он касается отдаленного прошлого, аббат же Кэнэ, говорит о Казачестве так, как может говорить научно мыслящий европеец.

Его мнение действительно ценно; не мудрствуя лукаво, он, подчеркивая в казачестве склонности к „духу индивидуализма, независимости и неповиновения“, находит необходимым для казаков „развитие их политического сознания“ для того, чтобы не быть игрушкой в сфере чужих мелких интересов.

Казакам „нужно создать свою интеллигенцию“ т. к. теперь „народам нужны вожди просвещенные и образованные. Казакам нужны интеллигенты, которые не были бы среди них редким исключением“ и не представляли бы из себя „отдельного класса“ ... „молодая казачья интеллигенция должна зорко следить за собою, чтобы не жить вдали от земли, от коня, от труда, от нужды и души своего народа“.

Этим аббат как бы ставит для казачества: — Казачество самоцелью и мы вполне с ним согласны, что только такой путь может вывести Казачество на его правдивый Шлях.

Кэнэ не зовет казаков, как это делает Грондис, быть „защитниками России“.

Российский централизм отвергают даже и французские друзья „Великой“, находящие, что „было бы политическим преступлением не приложить усилий, чтобы обеспечить и продлить существование казачества“.

IV.

Не менее ценно и поучительно для нас мнение и еще одного, третьего и последнего „иностранца“, — б. гетмана Украины, Скоропадского. „Иностранца“ — близкого Казачеству по крови и племени.

Излагая свои мысли, он исходит из бывших отношений Дона и Украины, как в период его гетманства, так и до него.

Это было время, „когда было устранено многое из тех препятствий, которые мешали создавать силы для отстаивания самостоятельных территорий и препятствовали установлению дружественных взаимоотношений между соседями“ (стр. 63).

Здесь б. Гетман как бы дает ответ на ту белиберду некоторых казачьих политиков (о которых будет сказано впоследствии), пугающих Казачество „украинской опасностью“.

Из соглашения „заключенного между правительствами Всевеликого Войска Донского и Украины даешь себе ясный отчет, что между Доном и Украиной нет неразрешимых противоречий и самые болезненные, на первый взгляд, несогласия, могут быть устранены при доброй с той и другой стороны воле.

Для этого только надо трактовать самостоятельность, не как синоним вражды и злобы, а как основу устраняющую насилие друг над другом и побуждающую к бережливому отношению ко взаимным интересам“.

Именно вследствие такой точки зрения правительства Дона и Украины установили атмосферу взаимности и полюбовно разрешили территориальные вопросы; это же дало возможность Украинскому правительству снабжать Дон и Кубань оружием и военными припасами.

Нам, близко стоявшим, в этот период, к украино-казачьим делам 1917—19 г. г. не раз приходилось на опыте убеждаться в благотворном влиянии такой политики добрососедских отношений.

„Но формула „Самостоятельность и Союз“, положенная в 1918 г. краеугольным камнем соглашения Независимой Украины с Всевеликим Войском Донским, не утратила и до сих пор своего значения.

Наоборот. Прошлое и настоящее указывают, что к этой формуле должны склониться все те, кто хотят избежать новых потрясений, кровопролития и братоубийства в будущем, ибо она дает широту и гибкость для органического разрешения национальных, экономических и политических антагонизмов на основах дружественной соработы и тем самым содействует напряжению энергий в сторону творчества, а не разрушения.

Только этот путь, направленный вне крайностей, может привести к содружеству и к соработе между соседями...“ (стр. 65).

И как бы там „Возрождение“ (№ 1227) не бесилось, а это — трезвые мысли о руководящих основах украино-казачьей политики, тем более интересные, что они высказаны человеком, далеким от чувства враждебности даже к самому русскому народу; человеком, в свое время близким к придворным кругам и к настоящему Донскому Атаману, а тем, по духу, и к самому „Возрождению“.

Само собой разумеется, что формула „Через самостоятельность к Союзу“ должна лежать в основе отношений всех правительств Казачества и Украины и если она воспринималась во времена Гетманата и воспринимается правительством Украинской Народной Республики, то не только долг, но и повинность во имя высшего блага Казачества настоятельно диктуют находящимся на эмиграции Правительствам Казачьим и общественно-политическим деятелям искать путей реального сближения с украинским народом, ибо путь Казачества домой лежит через Украину и в союзе с Украиной спасение и Казачества и Украины.

Вл. Куртин.

О Кубани и Кубанцах.

„Кубань в большевицком зеркале“.
„В. К.“ №№ 17—18.

———

... Кепкують, глузують
Усі з козака...

———

Научился товарищ Лісовий в политграмоте „грамоте“, надел красные очки, приехал на Кубань, посмотрел: — Красная.

Образцовая. И радостью своей поделился с ВУЦИК-ом. Известия ВУЦИК-а дошли и до нас. И вот, разбираясь в писаниях тов. Лісового, хочешь — не хочешь, приходится констатировать что, красного то там — всего лишь очки товарища селькора. Все же остальное — „самостийность“. Как она была и много раньше до приезда на Кубань украинского всопатриота.

Приехав на Кубань, товарищ установил:

„Это край пшеницы. Край богатых хлеборобов".

— Сейчас?.. Когда Кубань „красная"? Как бы не так! — В прошлом! В прошлом, когда Кубань еще не была „красная", беднейшие иногородние б р о с а л и по 2000 пудов хлеба. Сколько же его тогда имели „середняки" и „кулаки"?..

„Это — край будущего", утешается товарищ.

Вполне согласны. Ибо в будущем „хозяевами края" опять будут казаки. А при казаках — даже „беднейшие" располагают тысячами пудов хлеба.

Советчик говорит о недавнем прошлом Кубани и о ее „Истории". О нас он говорит, что мы с в о е й истории „не знаем". Т. е., не имеем. И он милостиво дал нам ее немножко — от себя.

Он говорит: „Горючий материал горел на Кубани целых (?) два года. И сгорел. Соввласть несколько лет производила перетруску" (т. е. уничтожала, выселяла хозяев Края, казаков)...

— Родилась „Новая Кубань".

Позвольте, позвольте, товарищ: кто же это из пепла родился? Не о Фениксе же вы говорите? Ведь в таком случае из пепла сгоревшей „Старой Кубани", родилась бы не „Новая Кубань", а п о м о л о д е в ш а я С т а р а я. Ваша-же „новая" Кубань, совсем не новорожденное дитё, а довольно таки потрепанная старая сорока, прилетевшая с березы на кубанский дуб и затрещавшая о „своем гнезде".

И мечтать о том, что кубанские орлята никогда не выкинут сорочьи яйца, выражаясь вашими же словами, „могут только безнадежные или идиоты". К слову, подобных совидиотов много и среди ВУЦИК-а.

На кого мы опираемся? Чудо чудное! — На самих себя! Ибо, если вы нас сожжете и до пепла — мы возродимся вновь. Возродимся мы, казаки, а не красная моль — умеющая только с'едать, а не созидать.

„Соввласть сковала новый строй, который действует, не оглядываясь назад."

И хорошо делает, что не оглядывается.

Ибо, оглянувшись, увидел бы у того же самого тов. Лісового:

— Ваша национальность? спрашивают станичного учителя.

— Кубанский казак!

А известно, что значит говорить, в советских республиках — кто ты и что ты.

Вот тебе и „Новая Кубань, Красная Кубань." Звучит, действительно, „как будто смело."

... „На Кубани выростает в советских условиях молодое поколение". Конечно же выростает. Но как Ленин в коммунисте (если его немного поскребсти) видел русского шовиниста, так и в молодом кубанском поколении никогда не выродится отцовское национальное самосознание:

— Кубанский казак. И баста.

Товарищ Лісовий не любит заниматься историей. И все-же занялся. Какова его „история" — увидим.

———

Ты, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь.

— — — „У нас, казаков, много есть таких, которые стоят за старый порядок".

— А иногородние? — Спрашивает тов. Лісовий.

— Иногородние — те за Москву.

Товарищ из ВУЦИК-а поясняет (т. е. занимается „историей„):

„Старый порядок значит: „Россия", самодержавная власть, станичный атаман, эксплоатация иногородних.

Москва — это — советская власть, новый порядок.

Казаков с д е л а л царизм. И за всякую цену культивировал их о т д е л е н н о с т ь".

Вот и вся обещанная товарищем советская „история." Похлеще „Отечественной".

Действительно, поскреби коммуниста и увидишь русского шовиниста. Ибо точно такую-же „культивировку" Казачества, какую проделывали цари— ныне проделывают коммунисты.

Казаков создал царизм, а своих генералов посылал против тех-же казаков, „чтобы совсем согнать их (казаков) с лица земли"... Другими словами, приготовить им ту самую долю, что и черкесам...

Т.-е., одинаковы об'екты — одинакова и обработка. И выходит, что и черкесов создал царизм, и „культивировал" их „отделённость".

Действительно беда, коль пироги начнет печи сапожник, а историей заниматься тов. Лісовий.

Даже сама поездка „просвещенного" коммуниста по станицам совершенно аналогична поездке светлейшего княза Барятинского, о которой он сам говорит.—

— Ехал как-то краснейший товарищ Лісовий из Харькова на Черноморье на крестины новорожденной „красной Кубани". И как на зло, захватив красные очки, забыл такую же слуховую трубку. На каждом шагу — молодое поколение. —

— Стой!.. Коммунист?..

— Кубанский Казак!..

— За Москву?..

— Нет, за Кубань...

— Что-о?.. Пошел! — Все красные! Все за Москву!

И так же, как г. Евдокимов, который писал Филиппсону, „что п о т о м не встретится уж никакого затруднения в окончательном освобождении этих (казачьих) земель от присутствия казачьего населения", Так и Лісовий пишет ВУЦИК-у:

„Растет новая станица... Позвольте надеяться, что „красная" Кубань стала фактом".

Один генерал извещает другого генерала, что он надеется очистить Кубань от Кубанцев. Один коммунист просит позволения у других коммунистов верить ему, что казачья Кубань задушена...

А „скептики", вероятно знающие успех Евдокимова, недоверчиво покачивают головами и говорят:

— „Ой, не говорите! Да тут такое, тут такое"...
Гей, Дикое Поле, родимый простор. —
Гей, Волюшка, Доля степная!..

———

„Казаки и Городовики".

Оказывается, что часть иногородних и то „как раз беднейшие, стоят за старые казачьи порядки". Об'ясняется это у тов. Лісового тем, что раньше работал только (?) иногородний, а теперь „и сам казак работает, как вол. А иногородний, получив землю, — не знает, что с ней делать, ибо „они (т. е. иногородние) не умеют х о з я й н и ч а т ь". Установилась конкуренция. Побежден иногородний.. И — „сидит без работы и зубами цокает".

И, конечно, ждет не дождется, когда казак перестанет работать, как вол, а будет — хозяйничать.

Ибо при старых, казачьих порядках, иногородний своей земли не имел, но без работы не сидел и зубами не цокал. Когда хозяин был казак, а работником городовик — и один и другой богатели не по дням, а по часам. Когда роли изменились — новый хозяин сидит и с голодухи зубами цокает, а работиик, как вол работает, но... зубами цокает тоже.

Как же понимать тогда „мнение исследователей", что „иногородние являются (являлись) главными производителями сх. ценностей"?

Или м. б. советские „сельхозценности" — сидеть и зубами цокать?

Ибо расцвет сельско-хозяйственной культуры на Кубани до завоевания ее советчиками — есть результат исключительно х о з я й с т в е н н о с т и и р а б о т о с п о с о б н о с т и к а з а к о в.

Уверения, что „без труда иногородних совершенно немыслима была-бы разработка громадных площадей области под хлеб" — такой же вздор, как и то, что главными производителями являлись иногородние.

Наоборот, когда казаки — хозяева прибегали к помощи наемного, поденного (или батрацкого) труда иногородних, земли обрабатывалось несравненно меньше, чем тогда, когда они а б с о л ю т н о не пользовались трудом иногородних, а всю свою работу производили с а м и с помощью новейших сель-хоз. машин.

Главным и единственным производителем зерна был казак. Что-же касается производства других с.-х. продуктов, как фрукты, ягоды, огородные растения — культивировать которые иногородний имел почти такие-

же возможности, как и казак, то здесь казак уж никак не мог пользоваться трудом иногородних. Ибо культура садовых и огородних растений требовала знаний, каких у иногородних не было. И если и эту отрасль с.-х. культуры казаки довели было до блестящего состояния, то только благодаря тому, что и тогда они „работали, как волы“ и умно хозяйничали.

Тов. Лісовий нашел в казачьих дворах и „хатки“, в которых жили „долгосрочные батраки“, и таких „квартирантов“, по его исчислению, на Кубани было „около 20% населения“. —

Были когда-то на Кубани такие „хатки“. Когда других и сами казаки не имели. Но тогда жили в них не „долгосрочные батраки“, а сами хозяева. И нестало этих хаток этак лет 50 до приезда на Кубань тов. Лісового. „Квартирантами“ же на Кубани были не только иногородние, но и казаки.

Ибо если иногородние за свои дворы и место под „хатой“, платили посаженную плату, — казаки за то же самое платили землей в поле.

„Посаженная плата“, которая, кстати сказать, за иногородними только числилась, но редко когда взималась, была единственным расходом, который несли иногородние на казачьей земле, и который, в сравнении с расходами казаков, равнялись нулю.

Приходы-же были если и меньше казачьих, то во всяком случае более нежели достаточные, чтобы не только не цокотать зубами, как теперь при „рабоче-крестьянской власти“, но и „бросать по 2000 пудов обмолоченного хлеба“, чтобы перейти в стан завоевателей, к своим.

Уже это одно доказывает, что борьба на Кубани велась не только под знаком классовой, социальной или экономической нивеллировки.

Здесь, не знаю уж в который раз, проводилось старое: „покорение под нози“...

„А все во имя чего“?

Во имя торжествующего коммунизма и коммунистического отечества.

Новые слова — старое содержание.

Понятно, что разрешить „иногородний“ вопрос на скорях, да еще в то время, когда Казачество все свои силы напрягло для самозащиты и, еще больше, для „освобождения“ России, было невоможно.

Но отказать казакам в искреннем желании разрешить этот вопрос по хорошему, по божески немогут и сами иногородние.

Во всяком случае, иногородним давалось много больше того, на что могли бы расчитывать казаки, если-бы им пришлось вселяться между „мужичками“, если бы самим казакам пришлось быть „гамселами“.

И, конечно, злой иронией должны казаться иногородним кивки заезжего селькора на их „парийскую“ жизнь между казаками „при казачьих порядках“.

Конечно-же, за время „революции (т. е. вооруженной борьбы большевицкой, а вначале социалистической России с провозгласившей себя независимым Казачеством) случались экссцесы. Но это было лишь реваншем за все те безчинства и хамство, какие проявили иногородние, почувствовав за собою силу убежавшей с фронта солдатчины. Где этого кровавого хамства не было, не было и реванша.

Неоспоримый факт: разрешения „иногороднего“ вопроса путем сговора с казаками иногородние тогда в большинстве не желали. Революцию и все ея „свободы“ они восприяли вначале не как равенство, но как неравенство их (иногородних) над казаками. Ибо революция-то сама и ее свободы, по их мнению — плод работы российских рук. Значит, и их работы. Казачество-же, как нечто „инородное“, к революции не причастное — должно было покориться, отказаться от самого себя. Когда иной станичник, в простоте своей, намекал на то, что „благодать“ революции распространяется и на него — его грубо обрывали:

— А ты ее делал?

Уже после известной телеграмы А. Бубликова мужики по станицам многозначительно говорили:

— Таперича — шалишь... Таперича — крышка...

И действительно усердно помогали они своим землякам: хорошую крышку сколотили. По совести...

Да и сами ныне под ней корчатся, зубами цокают... да мечтают о старом казачьем порядке...

Ясно, что и пыл покорения непокорных и володения чужим уже достаточно поостыл и в будущем, наученные горьким опытом, они помогут Вольному Казачеству разрешить „проклятые“ вопросы к обоюдному удовлетворению.

Вольное Казачество к этому готовится. Должны готовиться к этому и иногородние.

••••••••••••••••

А. Стремянной.

Из жизни красной армии.

В успехе большевиков, одержанном над белыми фронтами, большую роль сыграла красная конница, состоявшая в то время часто из казаков и уроженцев Юга: Украины, Ставрополья и Северного Кавказа.

С тех пор, по традиции, большевицкие верхи уделяли болшое внимание своей коннице, которая считается одним из лучших родов войск красной армии. Инспектором советской кавалерии состоит сам Буденный, стяжавший себе славу выдающегося кавалерийского начальника на полях гражданской войны.

Мы, казаки, не можем не интересоваться красной армией и в первую очередь должны знать, что представляет собою красная конница. Действительно-ли она доведена до блестящего состояния и сможет с успехом разрешить все боевые задачи; или это не совсем так.

Послушаем, что говорят о своей коннице сами большевики. Для нас интересны мнения не политиканов-вождей пускающих пыль в глаза и ничего не смыслящих в конном деле. Мы приведем суждения советских спецов — самих кавалерийских начальников, в руках которых находится подготовка конницы.

Вот что они пишут в официальных военных журналах о подготовке своей конницы по опыту трехсотверстного пробега *).

— „Одно дело подготовить бойца и его коня в манеже и на тактических занятиях в школе, во взводе, эскадроне и полку, занятиях преимущественно на „пятачке“, и совершенно другое — подготовка к десятку переходов подряд с приездом в совершенно новые условия расквартирования“ — читаем мы в статье Н. Ракитина: „Длительные марши и подготовка конницы“. Автор правильно говорит, что „эти новые условия, условия... в обстановке длительных маршей... только они по настоящему дают возможность прощупать подготовку всадника и коня; только они напоминают действительную боевую обстановку.“

И что-же мы видим? Оказывается: в условиях длительных маршей советские кавалеристы „уходя из под наблюдения командира, на марше сразу разбалтываются“.

— „Иной раз они не только произвольно сидят в седле, не только „балансируют“ на рыси, но бывают невнимательны к седловке и вьюку. На привалах, при спешивании и следовании в поводу, конник-боец не одновременно садится и слезает, делая это не по уставу, а „кое-как“. Придя на место, кавалерист забывает отпустить подпруги, растереть коня, выбрать удобное место для коновязи, задать сейчас же коню сена, положить в порядке снаряжение и оружие, предварительно протерев его и т. д. Боец, не прошедший школы длительных маршей, изматывается после сорокаверстного перехода настолько, что, приехав на место, сейчас-же заваливается на „боковую“.

— „Наш конь, достаточно втянутый в работу в тех

*) „Военный Вестник“, № 37. Октябрь, 1928.

же условиях учебы, что и всадники, переносящий сравнительно легко один-другой переход в 30—35 верст, при условии своевременного корма, — заметно сдает при длительных маршах в условиях малоудобного расквартирования под открытым небом и опаздывании получения фуража".

Говоря о повышенных требованиях к начальствующему составу, Н. Ракитин замечает: „Наш младший командный состав не всегда на высоте требований, пред'являемых ему длительным маршем... Он знает что спросить с бойца и чему научить его, но он не умеет применить свои знания, не всегда авторитетен для этого".

Довольствие частей во время переходов проходит далеко не гладко. Фураж доставляется неаккуратно и не в должном количестве... Но „с питанием личного состава дело обстоит... значительно хуже фуражирования. Продовольствие всех положенных видов заготовленно, все это, часть с собой везет кухня и продовольственные повозки выступают вместе с квартирьерами и и прибывают на место ночлега на 2 часа раньше, чем части, а обед готовится только к 20—21 час. Почему? Да потому, что наши повара в наших кухнях готовят обед 5—6 часов. Из нескольких десятков поваров ни один не сумел приготовить обед скорее чем за 5 часов".

Санитарная и ветеринарная часть в кавалерийских частях поставлены не удовлетворительно, что особенно сказывается при совершении больших маршей. Люди плохо соблюдают правила гигиены, и не следят за лошадьми, несмотря на предписания врачей и ветеринаров. Конское снаряжение нуждается в поправках и усовершенствованиях.

— „Опыт с седлами последнего срока, с новыми потниковыми стельками и с седлами инструкторского образца последней выдачи, очень показателен. Все лошади под этими седлами — по свидетельству того же автора — в первый же переход были потерты, а у лошадей с высокой холкой отмечены нагнеты. Недочеты седла драгунского образца были улажены во второй переход... неуставным вьюченьем. Седла инструкторского образца для лошадей не только с высокой, но и средней холкой, оказались непригодными. Надо это седло переконструировать, иначе комсостав после 2—3 нормальных переходов пойдет пешком".

Здесь одно из двух: или седла у большевиков, действительно, никуда не годятся; или просто они не умеют ездить. Хороша постановка дела, если после 2—3 переходов, — при этом нормальных, а не форсированных — советские кавалеристы должны передвигаться „по способу пешего хождения"!..

Весьма возможно, что в устранении всего старого, выработанного опытами веков и в погоне за новым, коммунистические инструктора изобрели свое „партийное седло", на котором совсем нельзя ездить.

Что красноармейцы в полках плохо втянуты в работу, видно из статьи доктора Р. Аншелевича „Конская скорость", который, разбирая широко практикуемые в в красной армии маршевые состязания и спартакиады, замечает: „в маршевых переходах соревновательного характера мы имеем случаи крайнего истощения сил, судорог и тепловых ударов. В нынешнем году это особенно резко проявилось, и не столько в Москве, где в относительно прохладные дни встретились прекрасно тренированные команды, сколько на местах ... на окружных и лагерных соревнованиях".

В доказательство, доктор Р. Аншелевич приводит несколько, весьма показательных, отрывков из официальных отчетов:

— „Утомляемость может во время состязаний в марше была настолько велика, что еще на стрельбище, находящемся на 18 километров от старта, единичные участники переходов не в состоянии были выйти на линию огня и поступили в распоряжение дежурного на стрельбище врача". Это один пример.

— „Во взводах, показавших лучшее время при приближении к финишу, измученные красноармейцы (по 2—3 чел. от каждого взвода) в полуобморочном состоянии буквально были перенесены на руках более сильными и выносливыми товарищами. По прибытии на финиш у нескольких красноармейцев наступили настолько сильные судороги мышц нижних конечностей, что пришлось применить морфий". Еще пример:

— „Во время окружных состязаний в марше было три легких и два тяжелых случая тепловых ударов. Один из последних сопровождался кровоизлиянием в мозг".

Выписку фактов, подобных вышеприведенным, можно бы еще продолжить сколько угодно...

Выводы о подготовке красной конницы к боевой работе предоставляем сделать самим читателям.

Думы и мысли казачьи.

Плаґіят.

У російсько-козацькому журналі „Козак", за жовтень 1928 р. Прага, №. 2, на стор. 3, видруковано вірша „Песня", підписаного п. Троценком. По своїй ідеології „Козак" єдино-неділимського напряму й очевидно, як своє мотто, приняв вищеназвану пісню.

В данному разі моєю метою не є полємізувати з „Козаком" що до змісту цілого журналу. Той зміст, як звичайно, відбиває давно відомі думки певної ґрупи козацької русофільської еміґрації, цих „останніх могікан" покійної єдиної Росії, які в повітряних мріях про якусь ще там нову відбудову „великої тюрми народів" черпають своє літературне надхнення. Життя, лекції історії та досвід перебування цієї ґрупи козацької еміґрації на території нововизволенного Чехословацького народу йдуть повз неї, і нової, свіжої, живої думки в неї не будять.

Вірш „Песня", що правда, гарний з формального боку, наповнений патетичними закликами до стійкости й вірности козаків Росії, до поготівлі на її „спасіння", вихвалювання її „слави" та пророцтвами нового воскресення її „величі". Словом, дійсно — „стара пісня", на яку всім тим, що пішли вже тепер далеко вперед, нічого оглядатись. Трудно припустити тепер, щоб когось з „вірних собі" міг переконати зараз такий дивний вираз, як „но там, где мы — измены нет" — центральний вислів „Песни". Ясно, все залежить від того, як хто розуміє „измену" (зраду)...

Більш цікавить нас тут ось що: нащо потрібно козакам з „Козака" підшиватись під хороблиро-захопливий тон давніх російских ура-патріотів у такий грубий негарний спосіб? Нащо брати колишні, можливо щирі у свій час, чужі вислови й гасла та видавати їх зараз за „свої"? Коли ж уже й хвалитись тим, що „там где мы — измены нет", то можна ж це зробити і в чесний спосіб, а не шляхом літературної крадіжки. А то береться старий чужий вірш якогось поета й видається за теперішній, за „свій".

Хай навіть припустимо, що козаків з „Козака" й досі ще дуже то вже обходять всякі там „московские святыни", „стены Кремля", „столица златоглавая" і т. д. (Що вони Гекубі — що вона їм?!); припустимо, що давніші „верноподданнические" гасла ще й досі певна ґрупа еміґрантів-козаків приймає за свої. Хай! Вольному — воля. Але це все ж не виправдує редакцію „Козака" за видрукування плаґіяту, ані п. Троценка, що своїм іменем підписав вірш иншого поета, де-що лише змінивши в ньому та скалічивши.

Вірш „Песня", надрукований у „Козакові" й підписаний п. Троценком, випадково знайдений мною у рукописному збірнику пісень під назвою „Друзья, не бойтесь клеветы". Автора віршу не зазначено, помічено лише автора музики до цього віршу п. Колотіліна. П.

Троценко, очевидно, й користав з нот Колотіліна, бо „свій“ вірш назвав „Песня“. Вірш в музиці Колотіліна є шостиабзацний і таким перенесений на сторінки „Козака“; п. Троценко лише змінив у всьому віршові деякі слова, 2 ритми та 2 рядки у другому й четвертому (до речі, недоладно: збільшений на зайвий склад) абзації В музиці Колотіліна вірш починається так:

Друзья, не бойтесь клеветы.
Тлетворный яд вас не отравит,
Чем ярче грязь их наготы,
Тем громче Дон себя прославит.

у п. Троценка:

Казак, не бойся клеветы,
Чужбины яд нас не отравит,
Чем больше тягость нищети,
Тем больше мы себя прославим.

У Колотіліна:

Коварный враг в былые дни
Осквернил московские святыни
Он пал, исчез, как искони
Оне не опустели ныне.

У п. Троценка в цьому абзаці змінено лише слово „коварный“ враг на „жестокий“. У третьому абзаці у Колотіліна:

Как встарь, текут к стенам Кремля,
Гордясь столицей златоглавой,
Покинув мирные поля,
Сыны России величавой.

У п. Троценка:

И вновь пойдут к стенам Кремля
Гордясь столицей златоглавой
Склонить главу у алтаря
Сыны России величавой.

У 4-му абзаці цілком скалічено 4-й рядок: в муз. Колотіліна — „могучий пробуждает он“ (8 складів); у Троценка — „в родимом крае пробудит он“ (9 складів). Останній абзац:

У Колотіліна —

Вдали веков заблещет свет
Тернист ваш путь борьбы и муки,
Но там, где вы — измены нет.
Да будет славный ваш завет.
Да помянут вас честью внуки.

У п. Троценка:

Мы ждем, когда заблещет свет.
Тернист наш путь борьбы и муки,
Но там где мы — измены нет,
Да будет славный наш завет.
Да помянут нас честно внуки,

Ось так випадав видрукований у ч. 2 „Козака“ — плагіят. Можливо, що п. Троценко ще дуже молодий поет і не розуміє, що каліченя чужого віршу ще не дає права підписувати його своїм іменем, але редакція „Козака“ є безумовно відповідальною за цей плагіят, тим більше, що музичні твори козацького композитора Колотіліна вона мусить знати.

М. Битинський.

Международная жизнь.

Герберт Гувер и Чарлз Кертис.

6-го ноября состоялись выборы президента и вице-президента Соединенных Штатов Северной Америки.

Новоизбранные президент и его заместитель принадлежат к республиканской партии. В Америке установилась английская система двух больших партий. Называются они — республиканская и демократическая.

Республиканская и демократическая партии в Америке отличаются исключительно людьми и лишь частично — методами политического действия. Так, на состоявшихся выборах противником республиканца Гувера был демократ Смит. На европейский взгляд между ними почти нельзя было найти сколько нибудь значительной разницы, настолько выставленные ими на выборах политические положения были сходны. На американскую мерку разница была огромная. Гувер — протестант, Смит — католик. Гувер — инженер и больше практический деятель, чем политик; Смит — житель Нью Йорка, блестящий оратор, всю свою жизнь посвятивший политике. Все эти качества могли бы быть обратными у каждого из них, — это не переменило бы шансов. Ибо Гувер — республиканец, — стало быть никакой экстраординарной перемены в политической жизни Америки не произойдет, потому что два предшествующих президенты были республиканцы. Выбрать Смита означало внести известную перемену, так как демократы давно уже не были у власти. Ничего нового Америка изведать не хочет, потому и предпочла она Герберта Гувера.

Герберт Гувер, как это часто бывает в Соединенных Штатах, вышел из самых низов, „сам себя сделавши“, как говорят американцы. Сын бедного кузнеца, сирота, испробовал различные, возможные для мальчика и юноши профессии; днем работал, по ночам учился, сумел поступить в университет и стал горным инженером. Дальше его карьера идет не обычным для американца путем. Большую часть своей жизни проводти он вне пределов Соединенных Штатов и даже вне Америки вообще, работая в качестве руководителя горными промыслами в Австралии, Африке, Турции, Персии, Китае, на Урале и на Кавказе, побывал на Дону и на Украине. Во время войны стал во главе продовольственного снабжения оккупированной Бельгии и северных департемантов Франции, спасши в буквальном смысле от голодной смерти местное население. После войны он же кормил стариков, женщин и детей всей изнуренной средней Европы, отвративши тем население этих стран от большевицких увлечений. И, наконец, закончил свою благотворительную деятельность в Европе, организовавши помощь населению Большевии в голодные 1921—1922 годы.

Ликвидировавши деятельность общества „Ара“, Гувер вернулся в Америку и занял там место министра торговли и промышленности. За несколько лет его пребывания на этом посту Америка достигла небывалого финансового и экономического развития, сопровождавшегося сказочным для Европы повышением благосостояния широких народных масс. Все это и выдвинуло Гувера на первое место.

Герберт Гувер — политически — еще молод, в час избрания ему было 54 года. От него много ждут в Америке, на него возлагает надежды и Европа. Можно не сомневаться в том, что американские ожидания будут оправданы, — во всяком случае, чтобы оправдать их, новый президент приложит вте свои усилия, использует свои выдающиеся организаторские дарования. Оправдает ли он и европейские надежды?

Европа сейчас переживает решительный момент во внутренних своих взаимоотношениях. Десять лет прошло со времени разорительной войны, чувства отчуждения и вражды между побежденными и победителями ослабели и уступили свое место идее всеобщего примирения. Настал час окончательной ликвидации после военной психологии и послевоенных отношений. Но сделать этого нельзя, не ликвидировавши денежных обязательств Германии по отношению к государствам так называемой Антанты. Задача эта стала на порядок политического дня, и теоретическое решение ее найдено на совещаниях соответствующих министров в Женеве, а потом при свиданиях в Лондоне, Париже и Берлине. Руководит всем этим делом американец Паркер Жильберт, своего рода генеральный контролер финансовых дел Германии. Дело на добром пути, но для своего выполнения оно требует проведения огромной финансовой операции, размеры которой определяются 30—40 миллиардами золотых марок. На такую операцию Европа

неспособна, ее может выполнить Америка, финансовая мощь которой почти беспредельна.

До сих пор Америка не проявляла особенной охоты пойти в этом деле навстречу Европе. Президент Кулидж, а за ним и другие государственные деятели Соединенных Штатов, неоднократно публично об этом заявляли. Герберт Гувер по этому вопросу не сказал еще решительного слова. Но нет почти сомнений в том, что на этот раз он разойдется во мнениях со своими товарищами. Для этого он слишком американец и слишком европеец. Как американцу, ему не страшны колоссальные размеры европейской финансовой операции; как европейцу, ему понятны все необходимости этого дела. Наконец, как человек весьма крупного масштаба, он должен ясно видеть те блестящие перспективы, которые сулит Америке осуществленная над Европой финансовая гегемония.

Есть еще одно из многих европейских дел, которые интересует Европу, но в особенности нас, эмигрантов с ее востока. Это — отношение Герберта Гувера к большевикам и их государству. Гувер близко их знает, знает и их государственную систему. Ни тогда, когда он кормил голодных в СССР, ни позже он не проронил публично ни слова о своем к ним отношении. Но уже само это молчание показательно, ибо, если бы он чувствовал к ним симпатию, ему незачем было бы это скрывать. О социалистах высказался весьма отрицательно, а о коммунистах промолчал. Очевидно, предпочитает говорить о них, уже будучи президентом. А для того, чтобы говорить об этом с полным знанием дела, собирает точные сведения, производит расследование. Как сообщила об этом пресса всего мира, с целью разведки и обследования, будущий президент Соединенных Штатов послал в Москву своего близкого друга Чарлза Дьюи. Официально Дьюи послан для „упорядочения“ какого-то польско-советского вопроса, неофициально, же как о том проговорились близкие к Гуверу американские газеты, его задачей является определение внутреннего положения СССР. Вряд ли анализ американского деятеля окажется благоприятным для большевиков. По крайней мере они сами весьма сомневаются в этом, и на случай неудачи уже начали в своей прессе враждебную кампанию и против Герберта Гувера и против его неофициального посла.

Несколько слов о Чарлзе Кертисе, заместителе Гувера. Как и его шеф он принадлежит к людям, которые „сами себя сделали“. Сиротство, трудовое тяжелое детство, ученье по ночам, университет. Кертис — юрист, вся его карьера юридично-политическая. Он не проявил высоких дарований, обнаруженных Гувером, но это — достойный, твердый деятель, на которого во всем можно положиться. Особую красочность Чарлзу Кертису придает то, что он — чистокровный краснокожий Индеец. Кертис родился в индейском кочевьи, его прадед носил еще имя „Белое Перо“ и был вождем племени Кью, а его предок был начальником грозных когда то Озагом. Теперь этот краснокожий, благодаря своему труду и заслугам, стал вторым человеком в Соединенных Штатах. Такие случаи возможны только в Америке.

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

В СССР.

Сотруднику нашего журнала удалось на днях добиться интервью у известного чешского общественного деятеля инж. Ч. Грушки. Последний провел в дореволюционной России 37 лет и прекрасно знаком с жизнью бывшей России. В годы войны Грушка занял место в рядах легионеров. Впоследствии принимал участие в гражданской войне, совершил в рядах Корниловского отряда Кубанский поход. Прихотливой судьбе удалось благополучно сохранть Грушку и после того, как он оказался в царстве большевиков: его „контр-революционное“ прошлое осталось для них неизвестным и ему удалось достигнуть высокой должности инспектора советского сахарного треста. Пребывание на этой должности дало ему возможность познать все закулисные стороны жизни в СССР. В этом году Грушка бежал в Чехию. Его недавний доклад в пражской торговой палате об СССР много коментировался в прессе. Знакомим читателя со всем, чем поделился Грушка с нашим сотрудником, старавшимся по возможности получить информацию по казачьим вопросам.

1. „Сколь велика и действительна самостоятельность отдельных частей СССР“? — Советский строй на бумаге дает большие права отдельным республикам и областям союза. Но на практике этого нет. Всюду и везде система жесточайшего централизма. Без Москвы нельзя предпринять ни одного шага. Ни о какой автомии вообще нельзя и говорить. Вы говорите о „самобытности“ Казачих Земель; „краеведение“ действительна „в моде“, интерес к нему растет, но это ничего общего не имеет с „самобытностью“. Всякое проявление „самобытности“ карается. Рука Москвы нивелирует всех. „Казачьих областей, „казачьих“ земель, вообще „казаков“, как таковых — нет. Нет казаков, — есть граждане. Слово „казак“, „казачий“ стремятся вырвать из лексикона. Искуственной политикой, перекройкой границы административных единиц большевики стремятся уничтожить все, что могло бы способствовать сохранению, а тем более развитию, самобытности. Казакам в этом отношении приходится очень тяжело.

2. „Можно ли наблюдать рост национального движения среди народов бывшей России“? — „Наблюдать“,— нельзя, ибо всякие его проявления жесточайше карают-ся, все „национальное“ вырывается к корнем. Если движение и есть, то оно принуждено уходить в глубокое подполье, почему я и затрудняюсь дать его оценку. За то движение антиеврейское растет не по дням, а по часам, и даже среди членов самой коммунистической партии. Много поводов к этому дает наличие на всех хороших и „теплых“ должностях евреев, или вообще не русских. На „прибыльных“ должностях заграничных торгпредств русских найти вообще трудно. Добавьте сюда систему протежирования по системе „свой своего тянет“, и тогда станет понятна озлобленность в этом вопросе даже самих коммунистов.

3. „Имеет ли коммунизм успех среди казаков“? — Ни в коем случае. Деревенское население коммунизма вообще не знает. Тем менее для него благоприятной почвы в казачьих станицах. Среди стариков коммунистов собственно нет совсем. Хуже обстоит дело с молодежью. Казачьи комсомольцы не уступают другим: это такой же сброд молодых негодяев и бездельников, как и комсомол в целой СССР. К сожалению, и в казачьих станицах находятся иногда элементы для пополнения рядов комсомола.

4. „Правда ли, что казаки являются наиболее неспокойной частью населения“? — Это я бы не сказал. Уже если хотите, наиболее неспокойным и причиняющим большевикам наибольше волнения являются украинцы. На втором месте можно поставить грузин. В Казачьих Землях советская власть держится террором, как и везде, однако казаки слишком остро испытали прелести прошлой войны, чтоб позволить себе роскошь отдельных мелких необ'единенных восстаний, обреченных заранее на неудачу. Эмигрантские газеты в этом отношении приносят много вымысла и преувеличений о всяких „восстаниях“. Большевицкий шпионаж организован настолько хорошо, что всякая организация повстанцев открывается раньше, чем начинается восстание. Часто бывают и случаи провокации, чтоб еще немилосердней произвести расправу. Казаки в общем „спокойны“, но в этом зловещем „спокойствии“ большевики совершенно правильно чувствуют большую для себя опасность, чем в отдельних местных вспышках.

Роковым для большевиков было бы лишь восстание одновременно на большой площади.

5. „Почему гнилость советского строя проявляется наибольше именно в области экономической жизни"?— Хозяйственная жизнь, — это итог, сумма всего остального. Что же можно ждать от суммы, если отдельные слагаемые гниют?

6. „Каковы материальные условия жизни в Казачьих Землях, сравнительно с другими частями СССР"? — Я сказал бы, что в Казачьих Землях живется в общем с материальной стороны лучше, чем в других частях СССР. Об'ясняется это тем, что вообще области земледельческие чувствуют себе более независимыми от коммунистов, чем районы торговопромышленные. Положение деревни сравнительно лучше положения города. Между прочим, должен сказать, что техника земледелия за последние годы сделала большие успехи. За это благодарить, конечно, нужно не большевиков, но те тысячи и тысячи пленных побывавших в Европе и принесших домой много нового и стремления подражать Западу.

Впрочем, общие условия жизни настолько везде тяжелы, что дажа трудно сказать, где живется в СССР лучше, а где хуже. Одно к лучшему: народ научился меньше говорить и больше работать.

7. „Как смотрит население на эмиграцию"?. — Собственно никак... о ней слишком мало известно. Однако, должен сказать, что слова „нас оставили, уехали... хотят приехать на готовое" я тоже никогда не слышал. Это сами эмигранты больше выдумали... В народе эмиграцию часто смешивают с понятием интервенции. К последней Вы, эмигранты, относитесь, гораздо более критически, чем те, кто остался дома: для тех жизнь настолько тяжела, что они самого черта встретят радостно, — лишь бы освободил их от коммунистического ига.

8. „Что думаете о будущем СССР"? — Смотрю на будущее довольно пессимистически. Коммунистов может свалить или война, или всеобщий голод — и только... Голод — потому, что народ не представляет уже то послушное стадо овец, которые безропотно мерли в прошлый голодный год. Весь народ бы теперь уже знал, что голод приносит режим. Чаша терпения была бы переполнена, и коммунисты бы не удержались. Война, — потому что это значило бы дать оружие в руки мобилизованных масс. А получив в руки оружие, народ сейчас же бы обратил его на самих коммунистов.

9. „Как представляете себе судьбы народов бывшей России, если власть коммунистов падет"? — Трудно сказать... Несомненно, что прежде всего воцарится анархия. Несомненно и то, что монархии тоже не бывать; монархическая пропаганда успехом не пользуется. Что будет дальше, — пророчествовать не берусь.

У горцев.

Большевицкий террор в горских областях Северного Кавказа.

Одиннадцатый год „спокойного" царствования „благодетелей" края ознаменовался опять восстанием „неблагодарного" населения Кабардино-Балкарской „автономной" области.

Ни обещаниям „райских блаженств", ни жесточайшим террором не удалось большевицким варварам сломить национальный дух горца. Десять лет безпримерными жестокостями узурпаторы уничтожают население края, обливая страну кровью ее лучших сынов.

Вырвать с корнем национальное чувство, веру, уничтожить веками установленные традиции горцев, — вот задача, которую поставили себе большевики на Кавказе.

Десятилетний опыт показал им, что борьба с национальным чувством горца бесполезна, что самые жестокие меры не только не ослабляют его, но, наоборот, все больше и больше укрепляют.

Поэтому они решили наложить свои кровавые руки и на чистые детские души. Издан был декрет об отобрании детей у горцев и отдаче их в коммунистические „ясли".

Царскую политику времен Кавказской войны (отбирание аманатов) возобновили большевики в более широком масштабе. Отлично зная цену новому большевицкому „благодеянию", горцы ответили на декрет восстанием.

Как сообщает корреспондент информационного бюро горцев Кавказа, восстание вспыхнуло в Кабардино-Балкарской автономной области в средних числах июля месяца с. г.

Число восставших за короткое время достигло 6000 всадников. К восставшим стали стекаться не только горцы, но и казаки и даже русское население (мужики, посаженные на землю в Кабарде). Местных воинских сил для подавления восстания не хватило. К несчастью у восставших не оказалось надлежащего руководителя и они опять попались на удочку коммунистического палача Кабарды Калмыкова.

Калмыков, видя, что восстание может охватить целый край и что местными силами он не может его подавить, пустился на хитрость. Он послал к повстанцам делегацию с обещанием удовлетворить все их требования. Этим ему удалось приостановить движение восстания. Одновременно были вызваны значительные войсковые части.

Прибывшим войскам удалось разбить повстанцев.

По подавлении восстания, большевики начали производить массовые аресты в районе восстания и в соседних областях.

Среди арестованных оказались и лица с большевицким прошлым, как например: 1) Мола Назыр Катханов, первый из мусульманского духовенства перешедший на сторону большевиков, организатор шариатских отрядов, командующий вооруженными силами Владикавказского и Нальчикского округов против добровольческой армии; 2) Заракуш Мидов, видный большевик Большой Кабарды. 3) Багатерев и 4) Беселеннев, видный большевик Малой Кабарды; 5) Баты Хоранов, офицер, перешедший к большевикам. Кроме того арестовано много местных большевиков меньшего калибра. Несмотря на десятилетний стаж и заслуги, все поименованные, вместе с другими горцами, в средних числах сентября месяца расстреляны в Ростовском ГПУ.

Волна террора из Кабарды перекинулась в Балкарию. Все бывшие помещики, интеллигенция, духовенство арестованы. Целые семьи изгнаны из своих домов, имущество отобрано.

Молодежь уходит в горы и леса и пополняет ряды повстанцев. Число скрывающихся увеличивается с каждым днем.

Скопление в горах сотен и тысяч вооруженных, враждебно настроенных к власти людей, безусловно беспокоит большевицких главарей области и они заранее „принимают меры".

Арестовывают родных и близких у тех, кто прячется в горах и лесах. Сосредотачиваются на Северном Кавказе значительные войсковые части (чисто русские).

Тюрьмы переполнены горцами. Снова в подвалах чека, под шум грузовиков, без суда расстреливаются десятками горцы.

Пока нам удалось выяснить, что в Ростовском ГПУ без суда расстреляны горцы: доктор Бек-Мурза-Шагенов, полковник Ибрагим Урисбиев, инж. Паго Тамбиев, Берд Шарданов и Телеркан Шиншев и другие, имена которых не удалось выяснить. Произведены аресты и в соседних областях: в Карачае, в Осетии и в казачьих станицах. Многие из арестованных уже расстреляны.

Неудача восстания об'ясняется несвоевременным выступлением Кабардинцев и Балкарцев, а так же и и отсутствием надлежащего руководства борьбой.

Чаша терпения переполнена. Болльшевицким обещаниям никто уже не верит. Участь Назыра Кагханова открыла всем глаза...

Жестокости большевиков так озлобили горцев, что маленькая искра, брошенная национальной рукой, поднимет все горские народы против узурпаторов.

Народ верит, что близок час национального возрождения.

Фариз.

Казачья эмиграция.

Ф. А. Щербина.

В конце февраля будущего, 1929, года исполняется восемдесят лет Ф. А. Щербине.

Маститый юбилянт, всю свою долгую жизнь работавший, не покладая рук, на общественном и ученом поприщах, не ослабел в своей энергии и здесь, в эмиграции: продолжает начатые труды, творит новые, состоит профессором друх высших учебных заведений.

Ф. А. Щербина — председатель Кубанской Рады 1906 года, депутат от кубанских казаков во 2-й Государственной Думе, а там — председатель казачьей фракции членов Думы; далее: историк Кубани и Кубанского Казачьего Войска, Член первого Кубанского Войскового Правительства (1917), а потом — член Краевой и Законодательной Рады...

Жизненная работа Ф.А. Щербины стоит того, чтобы подвести ей итог, а сам юбилянт заслуживает того, чтобы быть оцененным по заслугам.

Среди членов Рады, проживающих ныне в Ч.С.Р. поднята мысль о том, чтобы взять на себя инициативу в деле организации, может быть скромного, но все же достойного. чествования почтенного юбилянта, который этого и заслужил и заработал.

Думаем и уверены, что Ф. А. Щербину знают не только кубанцы, имя это известно и другим казакам и не казакам. Очевидно, что все они захотят воздать должное старому, но молодому казаку, профессору, ученому, писателю и пр. и пр.

———

Литературная секция О-ва изучения Казачества, готовясь к чествованию юбилея маститого кубанского ученого, писателя и общественного деятеля Ф. А. Щербины, просит всех кубанских поэтов, писателей и журналистов (хотя бы и начинающих) сообщить адреса свои и своих знакомых литераторов кубанцев.

С. Федоров.

Praha-Nusle-Údolí, Jaromirová, 456-I.

У казаков-студентов в Белграде.

На очередных перевыборах Правления Общеказачьей Студенческой станицы в Белграде, состоявшихся 4 сего ноября, избраны вторично и единогласно: атаманом станицы П. Поляков, пом. атамана Н. Евсеев, казначеем И. Фастунов, писарем Б. Кондрюцков. В ревизионную комиссию: председателем Е. Кундрюцкова, членами: Н. Букин, Немальцев, Руденков, Бояринов.

В Болгарии.

В воскресенье, 30 сентября с. г., в городе Ломе состоялось собрание казаков Ломской казачьей станицы, где В. Г. Глазков, прибывший к этому дню из Софии, сделал сообщение на тему: „Положение в Казачьих Краях и идеи Вольного Казачества".

В первой части своего сообщения Глазков в ярких и живых красках нарисовал теперешнее положение наших краев под лапой красных оккупантов. Докладчик очень пространно коснулся, экономической политики большевиков, нарисовал, как около девяти лет население казачих краев упорно обескравливается и систематически обессиливается хозяйственно; как выкачивается у казаков и крестьян хлеб и деньги под различными соусами то обязательного страхования, то займа укрепления сельского хозяйства, то, наконец, невыносимо тяжелыми налогами.

Затем говоривший проиллюстрировал богатый материал об партийных коммун. работниках и комсомоле, об административном аппарате — где тот же старый централизм, лишь красной окраски. Население наших краев в противоположность центру, заявил докладчик, борется с большевиками, борется против красного, теперь московского, централизма. Среди населения развиваются течения сепаратистические, о чем с жалостью сообщают и русские эмигрантские газеты (Возрожд., №. 1203) Отсюда видно, что там проснулись. Ореол великодержавия великорусского народа пал и тепер на территории наших краев идет осознание идеологических, моральных и психологических различий от великорусского народа.

Во второй части своего собеседования В. Г. Глазков коснулся разочарования казачьей эмигрантской массы во всех русских политических группировках.

Эмиграция русская в последнее время стала заметно ставить знак равенства между сов. властью и русским народом и проповедывает примирение с большевиками.

После этого докладчик широко ознакомил станичников с Вольно-Казачьим движением, занявшим теперь большое место на сцене казачьего внимания, и развернувшим широкие исторические перспективы Казачества. Затем опроверг все нападки и интриги против В. К., призвав все Казачество к об'единению.

Угнетение Казачества красным Кремлем, закончил Глазков, должно затемнить все наши внутренние споры, это требует от нас страждающий Край и на это благословляют нас тени тысяч жертв, принесенных на алтарь свободы Казачества!

Докладчик выслушан был с большим и напряженным вниманием. По окончании доклада станичный атаман, ген. Растегаев, благодарил В. Г. Глазкова и организацию пославшую его, за интересные мысли, которые заставят многих казаков задуматься над тяжелой судьбой Казачества.

После ст. атамана выступил ст. Левченко, сказав, что: „все надежды наши на В. К., где молодежь, вооружившись в первую очередь пером и книгой, работает над освобождением Казачества.

Дай, Бог, Вам силы, дорогие станичники!"

Письмо в редакцию.

Милостивый Государ, Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах Вашего журнала нижеследующие сообщения. За что заранее приносим глубокую благодарность.

Правление СКОВУЗ'А

В борьбе с жизнью и подчас в очень тяжелых условиях, казачья эмиграция не в силах следить за тем, что происходит здесь и там — на Родине.

Время течет, а с ним и действия человеческие. За восьмилетнее пребывание на чужбине, много назрело вопросов, которые требуют своего разрешения. Хочется услышать других и поделиться своими сомнениями. Что и как? Где более сносные условия для применения своего труда, какое государство нуждается в чужом труде и т. д.

Посильно, идя к разрешению и выяснению этих вопросов, Правление Союза Казаков, окончивших высшие

учебные заведения (СКОВУЗ'а), нашло необходимым поставить ряд докладов, на которых бы люди, имеющие возможность наблюдать и изучать, поделились своими сведениями с аудиторией.

В первую очередь пойдут следующие доклады:

„Казачьи Края в системе русской государственности" прочтет В. А. Харламов, „По казачьей идеологии" — Г. Ф. Фальчиков, „Социально-политическая платформа Казачества" — С. Б. Баянов, „Современное административное деление казачьих краев" — А. В. Попов, „Возможность экономического существования народов Кавказа" (ответ на ст. инж. Бейсуг в №. 23 жур. „Вольное Каз.") — П. А. Орлушина, „Результаты обследования рынков труда" — Правление.

Первый доклад состоится 8. XII. в Народном Университете, Краковская №.8, Прага II, в 4 часа вечера.

Правление.

———

Правление союза казаков окончивших высшие учебные заведения в Ч. С. Р. (СКОВУЗ) доводит до сведения своих членов, что оно впредь имеет возможность оказывать в ограниченних размерах материальную помощь.

Правление.

В Казачьих Землях.

Кубанский с'езд по поднятию урожайности.

(Окончание).

Снежков (Прим.-Ахт. район). — Я являюсь представителем шести обществ, состоящих из бывших красноармейцев и батраков. Положение их тяжелое. Надо отсрочить сдачу семссуды; в новой отказано. Ни одного кулака у нас нет, но если надо — его делают. Производят в кулаки того, кто выходил из телят пару быков.. Попытка отстроить двор ведет к ряду нажимов. Очевидно, если там, вверху, командуют „направо", то у нас слышат „кругом". (Аплодисменты).

Агроном Литвиненко. — С'езд должен сказать, что агроном должен быть разгружен. Рядовой агроном сидит в канцелярии по 10—12 часов и, конечно, не знает, что делается вокруг. В моем ведении 36 колхозов. Я их не обслуживаю, я только мечусь по всем 36 колхозам. Меня нельзя найти на месте; за мной ездят следом по 5 дней. Это не работа, а насмешка.

Горобец. (Абинский район). — Нельзя смотреть на агронома как на надоедливого чиновника. Не везде так и смотрят. У нас находят, что надо дать больше средств на агрономическую помощь, что нужен, кроме районного, станичный агроном. В этом моя просьба с'езду.

Кое-кто говорил, что все, что вот там показывает „Круглик", безполезно на местах. Неверно. В нашем районе пробные посевы семян подсолнуха „Круглика" дали по 210 пудов с десятины.

Сахно (Северск. район). — Урожайность у нас, правда, падает. Но не надо говорить о том, что хлебороб темен, что он надеется на молебны. Это пустяки, об этом большинство нас давно забыло.

Дело в том, что власти на местах значительно оторваны от массы, что когда мы, хлеборобы, еще три года тому назад указывали, что урожаи падают, что площадь посевов уменьшается, нам говорили, что — это буза, и писали о полном благополучии.

Цокур (Павловск. район) — Казалось бы, что лучший агитатор за лучшее ведение хозяйства — это колхозы. Однако, население совсем не увлекается их примером, так как колхозы работают слабо.

Грицай (Прим.-Ахт район). — Сведения с мест обычно говорят, что все хорошо. Но на деле бывает плохо. Сведения о погибших посевах уменьшаются. В результате это отражается хотя бы на количестве семссуды.

Скидками по налогу часто пользуются „бедняки" из стансоветских сотрудников, сдающие землю в аренду и оставляющие себе для бедняцкого вида десятину-другую.

Ошибок много, но если ошибается представитель власти, то говорят „это перегиб палки" и только, а если ошибается хлебороб и не расчитает возможности возврата семссуды — его предают суду.

———

Вечером 10 сентября главным центральным вопросом делается вопрос о земле.

Острый горячащий вопрос. Ни один из ораторов, будь то хлебороб, или агроном или ответственный краевой земельный работник, не „укладываются" в свои регламентом установленные 10 минуть.

Хлеборобы Чернышев, Костенко, увлекшись поисками новых путей для своих „кутков" земли при звуке председательского колокольчика обращаются прямо к тысячеголовой массе с'езда:

— Товарищи, дайте еще трошки побалакать!

— Крой! Дать ему еще время! — слышится разрешающий ответ зала.

Хлеборобка Блинова из хутора Большие-Челбасы заканчивала свою горячую речь о поднятии урожайности со слезами в голосе. Агрономы. углубившись в разрешение „земляной проблемы", никак не могут остановиться, на десятой минуте свести концы с концами.

Число желающих выступать в прениях уже принимает поистине астрономические размеры: сегодня, как заявил в конце заседания председательствующий, высказалось 50 человек, на записи остается еще 90. Количество поданных в президиум записок-вопросов по докладу еще утром перевалило за 300.

Вопросы поднятия урожайности, поставленные в докладах вызвали активнейший отклик делегатской массы.

Тов. Башкиров (ст. Троицкая с.-х. т-во) — поиски причин „падения хлеборобского хозяйства" начал „от печки", от сельхозналога.

— Надо увеличить необлагаемый минимум. Что же касается необходимости поднятия урожайности — это дело ясное, об этом и говорить не приходится. Мы должны приветствовать культурную обработку земли. По моему, надо прежде всего все силы агрокультурные бросить в станицу. Контрактация не везде понята правильно.

— А как поднимать бедноту? — Только не денежным кредитом, который никогда не расходуется по своему прямому назначению. Дайте бедноте с.-х. машины и, в крайнем случае, деньги на покупку лошадей.

Тов. Соболь (ст. Ильская, табаковод-хлебороб) говорил о неладах табаководов с Табаксоюзом: „взять хотя бы палки (из упаковки листового табака), забирают их у нас с табаком даром, а обратно мы должны их выкупать"...

Тов. Вакуленко (хлебороб ст. Марьянской, выдвиженец, зам. зав. Окрфо). — Мы докатились до урожая в 40 пуд. с десятины, а ведь наша земля должна давать 150—200 пудов. В чем дело, в чем наши болячки?

Конечно, причины упадка урожая в том, что хозяйства размельчились, и в том, что безинвентарные хозяйства вынуждены сдавать землю в аренду.

Тов. Воловик (ст. Динская) — Часто неправнльно облагают побочные заработки хлебороба.

Тов. Блинова (Брюховец. р., хут. Большие-Челбасы). — Нам надоело куашть высевки вместо хлеба.

Тов. Костенко (Темрюкск. р., ст. Запорожская). — На моих глазах куток земли в 15 тысяч десятин, юрт станицы Запорожской, дававший когда-то чуть ли не 500 тысяч. Чем это об'ясняется? Я думаю, что при

землеустройстве не надо было давать землю сапожнику, кузнецу и мирошнику.

Тов. Сечкин (Славянский район). — Надо, кому следует, позаботиться о качестве машин. Никуда не годятся культиваторы-пропашники, бороны легковесны и зуб у них негодится. Что и говорить, стыдно нам получать 40 проц. урожая на земле, на которой — воткни оглоблю, вырастет тарантас.

Восстание.

(Как это было).

Весенний прекрасный день 1918 г. Природа радует человеческую душу. Но не радостны и не веселы несколько офицеров 13-го Дон.-Каз. полка, скрывающиеся в лесу над р. Бузулук. Не радует их весна, нельзя им вылезть из лесу посмотреть на простор степей и казачьих станиц и хуторов. Везде царствуют большевики...

Группа офицеров расположилась в лесу возле хутора А. станицы Филоновской. Установили связь с казаками ближайших хуторов и начали набирать партизанкий отряд. Во главе отряда поде'саул К. А. Маноцков (ныне генерал).

Быстро пронеслась весть, что отряд скрывается где то в лесу... Казаки ст. Преображенской стали подумывать, как бы присоединиться к отряду. Комиссарская власть была не подуше. Небольшая группа, человек 8, с ур. Т. Алешиным решили ехать в отряд Маноцкова. Был там и мой двоюродный брат В. Самойлов. Самойлов приехал потом ночью домой и просил меня уехоть с ним, но я отклонил, ибо не надеялся на успехи, потому что кругом были большие силы большевиков.

За неделю до св. Троицы 18 г. получаем известие, что хутор Завязинской занят частью партизанского отряда сотника Фильникова, а в 12 часов ночи он будет наступать на ст. Преображенскую. Казаки хутора Казарниского должны выступать к тем часам для поддержки отряда Фильникова.

Вот здесь не можешь представить, какая была сумотоха в хуторе: хватали что попало, готовились к наступлению.

В 10 часов вечера казаки на подводах отправились к станице. В 12 часов ночи прибыли в станицу Преображенскую, но станица уже была занята Фильниковым, большевиков там военных не было, а только управления; конечно, всех арестовали. Когда я вошел в стничное правление, хорунжий Якушов принимал кассу станичного комиссара с награбленными вещами.

С рассветом началась мобилизация. К вечеру сформирована 1-я конная сотня и одна пешая. Заняли посты кругом станицы и поставили сторожевое охранение. Ст. Преображенская окружена 5-ю волостями иногородних. На второй день начали вести телеграфически разговор с соседними волостями. Те обещали выслать делегации для устных переговоров о мирной жизни. А в это время послали комиссаров в Балашев за орудиями и пулеметами. Делегациями хотели выиграть время, чтобы восставшие казаки не напали на них врасплох. Сотник Фильников этого не предполагал, принял делегацию любезно; те обещали поддержать наше восстание, в случае нападения какого либо большевицквго отряда.

Через неделю сот. Фильников получил донесение от заставы хутора Казарниского, что появился раз'езд местных жителей слободы Семеновки. Нач. заставы ур. И. Попов выехал с казаком узнать, по какому случаю вышел раз'езд. Раз'езд противника, не разговаривая, взял в плен ур. Попова и казака Скворцова. Мы после узнали, что их расстреляли.

Для нас стало непонятно, что же это за мир, когда чужой раз'езд берет в плен.

На другой день я выехал на хутор Казарниский узнать, что слышно из слободы Семеновки, ибо она расположена от хутора в 2-х верстах, граничит р. Бузулуком. Получил сведения от наблюдателей, что в слободе что то творится не хорошее. Видимо, идет группировка, а над речкой, на границе, уже стоят посты противника. В 4 часа вечера я выехал из хутора в сопровождении одного казака; нас начали обстреливать с близких постов. Вернувшись в станицу, я доложил сотнику Фильникову обо всем случившемся. Не прошло и часу времени, как приехал ур. Ф. Телин сообщить, что хутор Казарниский занят большевиками 5-и волостей, заставу взяли в плен.

По занятии хутора Казарниского, большевики принялися „хозяйничать". Пошли аресты стариков, а потом реквизиция. Брали все, что попало, а молодых мобилизовали; в обоз с подводами посылали и женщин.

В первый день Петровского поста (числа не помню) 1918 г., в 5 часов утра, послышался потрясающий взрыв первого снаряда возле Станичного Правления, а потом последовали и другие, без счету. Перепуганное население бросилось бежать, кто куда попало.

Пешая сотня занимает позицию — край станицы по р. Гришкиной, а старики остаются в резерве, вооруженные вилами, лопатами и рожнами; а конная сотня идет на правый фланг произвести атаку на неприятеля. Большевики сильно вооруженные, с многочисленной пехотой и кавалерией, повели наступление. Конная сотня развернула лаву и с гиком пошла в атаку. От сильного пулеметного огня вынуждены были отступить. Защищаться было нечем — одни голые шашки.

Пешая сотня, в составе 63 человек, при восьми винтовках и одном автомобиле, под натиском сильного артиллерийского и пулеметного огня противника, вынуждена отступить...

Оставили станицу Преображенскую в распоряжение грабителей. Под'есаул Маноцков дает распоряжение конной сотне под командой сот. Фильникова и второй конной сотне, состоявшей в резерве под командой прапорщика Шейна, идти на правый фланг большевицкой позиции и атакой взять станицу, а прапорщику А. Андрееву со взводом идти на левый фланг, дабы противник не мог левым флангом вести энергичное наступление.

Две конные сотни встретили многочисленный отряд, шедший от станции Серебряково на поддержку большевиков. Под сильным натиском большевиков, конные сотни отступили к хутору Аляпинскому. Прапорщик Андреев, где был и я со взводом конных казаков, вел редкую перестрелку с большевиками на левом фланге. С наступлением темноты отступили к хутору, где был штаб Маноцкова.

Когда мы прибыли, пешая сотня и беженцы уже волновались, не зная, что делать: здаваться или нет. Под'есаул Маноцков заявил: кто желает идти с нами за железно-дорожную линию к ст. Урюпинской в отряд Пол. Ситникова, должен быть готовым к выступлению, ибо переход через линию будет ночью, потому что днем большевики линию охраняют бронепоездами. Так перешли мы линию ж. д., а многие остались с покорной головой перед коммунистами и многих коммунисты расстреляли, а станица осталася в истерзании до освобождения ее пол. Ситниковым из отряда ген. Яшушева.

И. Васильев. (Болгария).

Недочеты дорожного строительства на Северном Кавказе.

„Трансп. Газета", 11 октября, жалуется, что на Сев. Кавказе состояние грунтовых дорог и мостов остается неблагополучным. Произведенное за последние годы строительство дорог крайне незначительно и не всегда надлежащего качества.

Планы строительства грунтовых дорог и рельсовых путей не согласованы.

Американское строительство (дешевое) не получило практического применнения отчасти за недостатком машинного оборудования, но главным образом из-за отсутствия инициативы у дорожных отделов.

Применять привезенные из-за границы дорожные машины за отсутствием печатрых проспектов и подробных руководств приходится наугад, так как производители дорожных работ в большинстве случаев незнакомы с деталями конструкции машин. Конечно, при „опытах" обращения с машинами случаются поломки.

В тех округах, где дорожное строительство находится в руках комхозов, оно совершенно запущено и забыто.

Недочеты морского и речного транспорта.

„Транспортная Газета“, 16 октября, пишет, что советскому торговому флоту трудно согласовать свою работу с общей деятельностью хлебозаготовителей. По линии Азовского моря до Ахтарей, вследствие недорода, крестьяне пред'являют мало хлеба и совторгфлоту нечего перевозить. По Дону та же канитель с перевозкой хлеба на Ростов. Корпоративного использования барж почти нет. Обычная отговорка сельскохозяйственных товариществ — зерно „соседа“ более-де сорно и потому перевалка сопряжена с риском.

В Доно-Кубанском пароходстве жалуются, что в подаче нарядов Союзхлеб проявляет чрезвычайную халатность. Часто на одно и тоже зерно выдаются два наряда.

Невообразимую путаницу создают местные сельхоз. общества, обращаясь непосредственно от себя, минуя Союзхлеб и Донсельсоюз, с требованиями тоннажа от Доно-Кубанского пароходства, к которому с требованиями тоннажа для тех же местных товариществ обращаются и Союзхлеб и Донсельсоюз.

„Автопуз“ в Майкопе.

„Трансп. Газета“, 25 октября, вопит: „На Кубани, в Майкопе, безобразные дороги. Для связи с окраинами курсирует единственный автобус, который часто не вылезает из грязи, портится и шоферу приходится ежеминутно лазить под ним на животе, отчего автобус приобрел наименование „автопуз“. Это — маленький штрих, но весьма характерный для нашего автотранспорта и дорог.

Бездорожье и „автопуз“ — наше несчасте. А места проявляют слшком мало жизни (??) к их ликвидации“. Лучшего комментария к „автопузу“, конечно, трудно придумать.

Тяжелое положение табаководства.

„Экон. Жизнь“, 20 октября, помещает сообщение майкопского корреспондента об упадке товарного выхода табаков на рынок. В этом году он упал до 2.500 тонн вместо 5 тысяч тонн прошлого года. „Табачное хозяйство, пишет газета, сейчас находится в таких условиях, которые, если они не будут изменены, через 2—3 года приведут к полному упадку промышленных плантаций“.

Брошенные единоличными хозяевами крупные плантации имелось в вуду сохранить путем коллективизации, но из этого ничего не вышло. „Э. Ж.“ жалуется на неблагоприятную погоду на Кубани, но, очевидно, не так виновата погода, как весьма и весьма неблагоприятная для Кубани советская оккупация края.

„Рентабильность табаководного хозяйства падает, заканчивает свое сообщение „Эк. Ж.“, а вместе с тем сокращается число табаководных хозяйств и возникают все большие трудности к расширению площади посева табака“.

Советские налоги.

О размерах налогового нажима на население казачьих краев можно получить весьма ясное представление по напечатанным в „Эк. Ж.“, 17 октября „выборочным“ данным. Нижне-Кубанский хлебороб, Армавир. окр., Цюна, Козьма Яковлевич, имеющий 20 гектаров посева (7·5 своих, 12·5 арендованных), 2 лошадей и 7 едоков в семье, был подвергнут финансовыми органами индивидуальному обложению по с.-х. налогу в сумме — 561 р. 70 к. при исчисленном нормальном годовом доходе, его хозяйства в 1.284 р. 50 к.

Клименко, Степан, из той же Нижне-Кубанской, при 17 гектарах посева (2·5 своих; 14·5 арендованных), 2 лошадях, 1 корове, 10 свиньях и исчисленном нормальном годовом доходе в 900 р. 58 к. был обложен в размере 300 р. 48 к.

———

Новороссийск. Правление союза Местран распустило местком Автопромторга за скверную работу и расхлябанность.

Армавир. На Баталпашинском элеваторе застряло 30 вагонов хлеба из-за отказа железной дороги предоставить порожняк.

Пятигорск. Минераловодский стекляный завод в результате падения дисциплины и увеличения прогулов за три месяца недовыработал больше 50.000 единиц.

Баталпашинск. В связи с разоблачениями в печати ряда ответработников Карачая, сейчас производится „чистка“ областных учреждений. Отстранены от должности заведывающий Обяздрава, Обфо, Обзу и пред. Совпрофа.

Туапсе. Два месяца город находится под угрозой брюшно-тифозной эпидемии. Кроме того, сейчас появились вспышки сыпняка. Положение ухудшается недостатком воды и скученностью населеиия.

Грозный. В текущем году в школах 2-й ступени вводится, как обязательный предмет, чеченский язык.

— В пошлом году в Грозном было пропито 2·5 миллиона рублей. Несмотря на разговоры, реальных мер по борьбе с пьянством еще нет. Количество винных лавок не уменьшается.

Таганрог. Организовано общество борьбы с пьянством. ЦРК сокращает продажу водки, которая до сих пор занимала 10% всего оборота. В рабочих клубах сокращется продажа пива.

— Над Таганрогом пронесся ураган необычайной силы. На море свирепствовал шторм в 10 баллов. Ветром сорваны крыши на многих домах. На одном из заводов с крыши унесло двух рабочих, один из них умер.

Ростов-Дон. В Донском округе (в городах) в текущем году подобрано 990 безпризорных.

Розыски

Лиц, знающих австралийский адрес Уральского Атамана ген. Толстова, просим сообщить его в редакцию „В. К.“

(Адрес просим написать по английски).

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество ≡ ≡Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0·75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Michal Frolov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 314175-VII.-1927. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 144